

СТАТЬИ СОИСКАТЕЛЯ СУЛТАНБЕКОВА К.Ч.

1. Проблема классификации форм государства в свете многообразия и изменчивости современных форм государственности. // Журнал Национальной Академии наук Кыргызской Республики «Известия». № 2. 2013. Б.: «Илим», 2013.

Форма государства на сегодня включает в себя три традиционных элемента: форму правления, форму государственного устройства и форму политического режима. Из этих элементов форма государственного устройства менее других подвергается различного рода дискуссиям, поскольку разделение государств на федерации и унитарные государства имеет своей основой прочный, устойчивый и статичный критерий, базирующийся на легко определяемой территориальной структуре государства, и потому типология государств по этому критерию практически не подвергается никаким изменениям. Другие же элементы (форма правления и форма политического режима), вызывая множество споров ввиду многоаспектности, динамичности и трансформируемости лежащих в их основе критериев, имеют множество классификаций, которые в тот или иной момент перестают отвечать имеющимся реалиям, в связи с чем появляется необходимость разработки новых классификаций.

Эта необходимость связана с тем, что каждое государство по своей природе уникально, и на его специфику и внутреннее содержание самое серьезное влияние оказывают культурно-этнические, цивилизационные, географические и иные особенности развития составляющего его народа (достаточно сравнить государства Запада и Востока). С развитием государства развивается и изменяется и его внутреннее содержание, следовательно, меняется и форма. Именно этим фактором объясняется многообразие и изменчивость форм государства, что, в конечном счете, и определяет невозможность любой попытки создать единую, общепризнанную, законченную и всеобъемлющую классификационную систему форм правления и форм политического режима.

Но вместе с тем, ученые продолжают предпринимать попытки усовершенствовать действующую классификационную систему, хотя эта задача отнюдь не из легких, поскольку, как особо подчеркивает один из наиболее известных современных политологов мира Э. Хейвуд: «Сами политические системы сегодня изменяются столь быстро, что классифицировать их в высшей степени сложно: это вечная гонка за постоянно изменяющейся политической реальностью». [5; 38]

В российском же государствоведении на данный момент также идут дискуссии (при явном приоритете выше обозначенной трехэлементной классификационной системы формы государства) о целесообразности выработки альтернативной классификации. В первую очередь, подвергается сомнению действующая типология формы правления, поскольку, как показывает действительность, общепринятые формы правления не отображают все многообразие реально существующих на сегодня форм правления. Поэтому ряд исследователей предлагает пересмотреть классификацию именно форм правления, которая, как известно, включает на данный момент монархию и республику, которые, в свою очередь, имеют по несколько разновидностей. Например, монархия подразделяется на абсолютную (неограниченную) и конституционную (ограниченную) монархии; последняя, в свою очередь, делится на дуалистическую и парламентскую монархии. А основными разновидностями республиканской формы правления являются президентская, парламентская и смешанная формы правления.

Но даже эта достаточно развернутая, казалось бы, классификация форм правления не передает всех нюансов современного государственного властепользования, поскольку имеется значительное количество государств, которые никоим образом не могут быть «подогнаны» под общую классификацию.

В качестве примера можно привести Объединенные Арабские Эмираты, которые состоят из семи относительно самостоятельных субъектов федерации (эмиратов),

представляющих собой абсолютные монархии, возглавляемые эмирами, из числа которых выбирается глава всей федерации – президент. Уникальна структура и Малайзии, которая состоит из тринадцати штатов, девять из которых являются монархиями и управляются монархами, носящими разные титулы, а остальные четыре являются республиками и управляются губернаторами, притом, что глава федерации избирается из числа девяти монархов сроком на пять лет. Стало быть, и ОАЭ, и Малайзия не могут быть причислены к республикам, несмотря на то, что их главы правят на выборной основе.

Среди республик также имеются такие государства, которые построены более чем специфично и оригинально, например, в Исламской Республике Иран главой государства (Верховным руководителем) является религиозный лидер (рахбар), а президент выполняет обязанности главы исполнительной власти, следовательно, ИРИ фактически является теократической (!) республикой.

Таких исключений из правил на сегодня «неприлично» много, что побуждает некоторых исследователей выразить сомнение относительно целесообразности и в дальнейшем придерживаться данной классификации форм правления. В частности, по мнению В. Иванова: «... деление форм правления только на монархические и республиканские не может удовлетворять ни научным, ни практическим потребностям» [2; 136].

Следующая форма государства, классификация которой также вызывает определенного рода сомнения, – это форма политических режимов. При этом в российской политической науке наиболее устоявшимся является деление политического режима на три основные формы (демократический, авторитарный и тоталитарный режимы), которое на данный момент уже в значительной степени потеряло свою актуальность.

В первую очередь, это связано с тем, что на сегодня тоталитаризм как форма политического режима уже изживает себя, поскольку в течение всей истории эволюции человечества режимы с тоталитарным направлением получили развитие только в XX веке с развитием фашистско-нацистской и коммунистической идеологий, и с их уходом с политической арены и наступлением эры демократизации тоталитарная форма устройства политической власти становится все более невостребованной и непривлекательной.

Во-вторых, при всем том, что с теоретической точки зрения тоталитарный и авторитарный режимы существенно отличаются друг от друга (каждый из них имеет ряд отличительных признаков), в условиях реальных политических систем их идентификация составляет определенную трудность, что приводит к придумыванию неких терминов промежуточного характера, таких, как «дототалитарный авторитаризм», «посттоталитарный авторитаризм» и т.д.

В-третьих, при проведении классификации внутри данных политических режимов (это особенно касается демократического и авторитарного) каждый исследователь придерживается собственной позиции, которая в большинстве случаев кардинально отличается от точек зрения других исследователей.

В качестве примеров приведем несколько классификаций авторитарного режима, предпринятые российскими учеными. Так, Г. Голосов вслед за французским политологом Жаном Блонделем считает, что авторитарный режим имеет следующие разновидности: традиционный режим, авторитарно-бюрократический режим, режим соревновательной олигархии, эгалитарно-авторитарный и авторитарно-инэгалитарный режимы [1; 68]. Согласно Р. Мухаеву, авторитарный режим делится на военные режимы, гражданские диктатуры и теократические режимы [4; 185]. А. Цыганков, систематизируя точки зрения ряда западных ученых, как Дж. Сартори, Г. О'Доннелл, М. Хагопиан и др., подразделяет авторитарные режимы на однопартийные, военные, бюрократически-олигархические режимы и режимы личной власти [6; 171-175]. Подобных точек зрения чрезвычайно много, т.е. по сути получается, что сколько исследователей, столько и классификаций.

В силу этого, можно смело заявлять, что вышеупомянутое разделение политических режимов на три основных типа – демократический, авторитарный и тоталитарный – не

отвечает тем политическим реалиям и тенденциям, что характерно для современного мира.

Поэтому в современных исследованиях при различении разных проявлений политического режима стали оперировать уже не троичными, а двоичными понятиями, как «демократический и антидемократический (недемократический) режимы» либо «демократии и автократии». Но и в этом случае не существует единой общепринятой точки зрения. Во-первых, имеется разброс мнений относительно того, какие режимы относить к демократии, а какие – к недемократии. В западной аналитике все режимы, которые так или иначе отличаются от эталона демократии – западных либерально-демократических режимов, автоматически причисляются к недемократическим. Российские же ученые не согласны с такой точкой зрения, справедливо полагая, что «недопустима оценка режимов по степени их соответствия западным «демократическим стандартам» [2; 155].

Помимо этого, в политологической среде (и в российской, и особенно западной) имеют хождение множество других промежуточных понятий, такие, как псевдodemократия, полудемократия, квазидемократия, «дефектная» демократия, «делегативная демократия», «управляемая демократия» и т.д. Эти термины в большинстве своем не укоренились в политическом словаре, но какая-то часть из них имеет право на существование, поскольку реально отражает суть определенной части современных государств.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что на сегодняшний день существует явная, осознаваемая многими политологами, необходимость пересмотра вопроса по классификации форм государства. Наша позиция в этом вопросе затрагивает проблемное поле классификации как форм правления, так и форм политического режима.

При этом необходимо обратить внимание на то, что эти понятия – «форма правления» и «форма политического режима» – носят в себе равнозначные друг с другом терминологические нагрузки, чем и обусловлена неизбежность их синхронно-параллельного применения как в теоретических конструкциях, так и в реальной политической жизни, что приводит к разного рода заблуждениям.

Теоретически это выражается так, что зачастую происходит отождествление этих двух понятий друг с другом, что сказывается даже на ряде классификации форм государства. В частности, в классификации форм правления, которую предлагает В. Иванов, две из девяти предлагаемых форм правления представляют собой формы политического режима [2; 128].

В условиях политических реалий равнозначность этих понятий также имеет неоднозначные последствия. И форма правления, и политический режим, находясь на ведущих позициях, в какой-то момент начинают вступать друг с другом в противоречия. Например, в президентской республике президент наделяется широким кругом полномочий, что позволяет утверждать, что президентская республика более авторитарна, чем парламентская республика, т.е. можно проводить параллель между понятиями «президентская форма правления» и «авторитарный режим». И такая параллель в большинстве случаев проводится, но только не в отношении США – одной из наиболее известных республик с президентской формой правления и демократическим режимом. То же самое можно говорить и о парламентской республике, которая однозначно ассоциируется с демократическим режимом, но при всем при этом все понимают, что переход к парламентской форме правления не может в автоматическом порядке означать установление демократического режима.

Из всего этого следует сделать вывод о том, что необходимо установить иерархию между этими понятиями и выяснить, на какое из них мы должны в большей степени ориентироваться в своей попытке создать новую классификацию форм государства.

Для начала мы должны более детально исследовать сущность этих категорий и сравнить их. В первую очередь, выявляем основные признаки формы правления, которые позволят сравнить ее с формой политического режима, это:

- характеристика высших органов власти – число правителей (один правитель или коллегиальный орган), способ формирования (наследование, электоральные выборы,

назначение), сроки правления (пожизненное, ограниченное) и т.д.;

- структура органов высшей власти – глава государства (монарх, президент), законодательный орган, исполнительные органы, судебные органы;
- иерархическая структура отношений власти – распределение полномочий в системе высшей государственной власти, степень ответственности и степень подконтрольности ветвей высшей власти по отношению друг к другу;
- взаимоотношения органов власти с населением – статус личности в государстве (подданный или гражданин), характер отношений (степень участия населения в управлении, наличие прямых и обратных связей с населением).

Как следует из данного перечня, сущность формы правления лежит в плоскости *структурно-организационного* оформления деятельности государства, т.е. все ее основные признаки характеризуют различные особенности структуры и организации высшей власти государства. [7; 189-190] Даже последний признак, касающийся взаимоотношений органов власти с населением, казалось бы, призванный отразить функциональный, деятельностный аспект органов высшей власти, не слишком выбивается из общего ряда, поскольку всего лишь показывает, каким образом организована связь высших органов власти с населением (наличие/отсутствие выборов, участие/неучастие населения в принятии законов, политических решений, возможность/невозможность представительства в госорганах и т.д.).

Что касается понятия политического режима, то именно оно как раз применяется для характеристики *функционального* аспекта деятельности высших органов власти, поскольку представляет собой *фактическое использование совокупности различных способов и методов для осуществления государственной власти*. Отграничить его от других форм государства можно, в первую очередь, тем, что он представляет собой явление не статичное, а динамичное, т.е. если государство по формам своего правления и государственного устройства организовано как республика и федерация, то это естественным образом закрепляется конституционным путем, следовательно, надолго, если не постоянно; а установление той или иной формы политического режима происходит вне зависимости, а порой и вопреки законодательным основам государства, поскольку напрямую зависит от совокупности различных объективных и субъективных факторов, наличествующих на тот момент в данном обществе. В число объективных факторов входят исторические, культурно-цивилизационные, политико-правовые, этно-конфессиональные и социально-психологические особенности развития общества. Субъективные факторы представлены характером властных отношений в обществе на момент установления данной формы политического режима, включая и политические взгляды руководства страны и личные качества политических лидеров.

Исходя из этого, можно вывести основные признаки формы политического режима, такие, как:

- степень соответствия реальной политической жизни принятым и действующим в государстве законам;
- взаимоотношения органов власти с населением – место и роль личности в обществе; степень участия населения в механизмах формирования власти; совокупность средств и методов, используемых в этих отношениях; характер связей;
- специфика правовых отношений в обществе – соотношение реальных прав и свобод личности декларируемым; соответствие прав личности правам государства; уровень правовой культуры населения;
- степень воздействия совокупности исторических, культурно-цивилизационных, этно-конфессиональных и социально-психологических характеристик народа на политический климат в обществе;
- статус и роль главы государства и высших органов власти – расстановка политических сил; взаимоотношения между структурами власти; политические взгляды руководства страны; личные качества политических лидеров.

Одним словом, политический режим – это характерный для определенного периода развития конкретного общества политический климат, который сформировался в результате совокупности различных, присущих только данному обществу, условий и факторов, и который к тому же является подвижной, динамичной системой по осуществлению различных аспектов властной деятельности государства.

Следовательно, формы правления и политического режима отличают друг от друга несколько признаков.

Первое отличие – форма правления характеризует *структурно-организационную* сторону, а форма политического режима – *функционально-деятельностную* сторону бытия государства.

Второе отличие выражается в том, что форма правления более *статичный* элемент формы государства, т.е. все ее признаки законодательно оформлены и конституционно закреплены. Это изначально касается республиканской формы правления, как по этому поводу высказывался Руссо: «Таким образом, я называю Республикой всякое Государство, управляемое посредством законов, каков бы ни был при этом образ управления им» [3; 394]. Основы монархий (преимущественно современных) также заложены в конституциях, а в древних и средневековых монархиях издавались монаршие законы и указы, которые были так же легитимны, как и современные конституции; в монархиях, где отсутствовали писанные законы, управление производилось с помощью обычного права, обладающего для данного общества такой же степенью легитимности, как и писанные законы.

Форма политического режима, в отличие от формы правления, явление *динамичное*, которое может изменяться под действием того или иного сочетания присущих для данного общества объективных и субъективных факторов, при этом совсем не обязательно, чтобы эти изменения соответствовали духу действующих в государстве законов. В качестве примера можно привести времена Римской республики (510-30 гг. до н.э.), в которой при сохранении республиканского строя с его разделением властей, дважды (при Сулле и при Цезаре) устанавливался единовластный диктаторский режим. То же самое можно сказать и о Советском Союзе, который по определению был республикой, а фактически пережил ряд политических режимов – ленинский диктаторский, сталинский тоталитарный, брежневский авторитарный, горбачевский либерально-демократический.

Таким образом, выявив основные отличия формы правления и формы политического режима, мы приходим к заключению, что все изменения, так сказать, «отклонения от нормы», происходящие в государственном строе, есть проявления политического режима, следовательно, именно форма политического режима является главнейшей формой государства, которая наиболее точно и объективно характеризует суть данного государства.

А выдвигание форм правления в качестве одной из основных классификационных систем в современном мире уже не актуально, поскольку современный мир динамичен и изменчив, а формы правления статичны (ведь, по большому счету, если чрезмерно упростить содержание формы правления, то получится так, что государством могут править или один, или несколько человек – других вариантов нет). Поэтому современная типология форм государства должна ориентироваться на что-то другое, чем структура высших органов государственной власти. Хотя формы правления сегодня изжили себя, от них полностью отказываться не стоит – достаточно лишь признать, что существуют две (формальные) формы правления, различаемые по числу правителей: монархии и республики. А все остальное многообразие форм государства необходимо выразить через политические режимы, которые столь рельефно и выпукло отражают любые движения и изменения в современном мире, что уследить за их трансформациями порою очень сложно.

Литература:

1. Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. – 3-е изд., переработанное и дополненное. – СПб: Изд-во Европ. ун-та, 2001.
2. Иванов В. Формы правления и политического режима: В поисках нового

- содержания. // Логос, №6, 2008.
3. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. // Под общ. ред. В.С. Нерсесянца. М., 2004.
 4. Мухаев Р.Т. Политология: учебник. М.; Проспект, 2010.
 5. Хейвуд Э. Политология. Пер. с англ. // Под ред. Г.Г. Водолазова и В.Ю. Бельского. М.: ЮНИТИ, 2005.
 6. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие). М.: Интерпракс, 1995.
 7. Чиркин В.Е. Государствоведение: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юристъ, 2000.

2. Становление и функционирование парламентской формы правления в Кыргызстане. // Система ценностей современного общества: сборник материалов XXXIV Международной научно-практической конференции / Под общей ред. С.С. Чернова. Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2014.

Аннотация: Парламентская форма правления – это форма правления, которая характеризуется определенным верховенством парламента и ролью президента только как главы государства. В статье на основе анализа положений Конституции Кыргызской Республики исследуется статус Президента КР как главы государства и изучается деятельность действующего созыва Жогорку Кенеша (парламента) КР.

Ключевые слова: парламентская форма правления, Конституция Кыргызской Республики, Президент Кыргызской Республики, Жогорку Кенеш Кыргызской Республики, полномочия, система разделения властей, система сдержек и противовесов.

В Кыргызской Республике форма государственного правления была изменена в 2010 году после свержения режима К. Бакиева путем внесения поправок в действующую Конституцию. Изменения и дополнения в Конституцию были вынесены на всенародное обсуждение и приняты референдумом 27 июня 2010 года. Новая Конституция была введена в действие Законом КР от 27 июня 2010 года.

Согласно этой Конституции и по утверждению разработчиков данного закона (в частности, лидера партии «Ата-Мекен», депутата парламента О. Текебаева), в Кыргызской Республике установилась парламентская форма правления. В частности, О. Текебаев в 2010 году перед вынесением Проекта новой Конституции страны на всенародное обсуждение – референдум – сообщил Российскому агентству международной информации «РИА Новости»: «Будет введена парламентская форма правления, полномочия президента существенно ограничатся, он фактически будет отстранен от участия в кадровой политике и экономике страны» [6].

Данная форма правления действует в Кыргызстане уже почти четыре года, это, конечно же, небольшой срок, но, на наш взгляд, вполне достаточный, чтобы сделать определенные выводы: прижилась ли она, что она дала кыргызскому народу и государству в целом, каковы ее современное состояние и будущие перспективы.

Согласно Конституции КР [5, статья 3], «Государственная власть в Кыргызской Республике основывается на принципе... разделения государственной власти», т.е. в системе государственной власти КР наличествуют законодательная власть (высшим представительным органом законодательной власти является Жогорку Кенеш (ЖК) Кыргызской Республики), исполнительная власть (высшим исполнительным органом является Правительство Кыргызской Республики во главе с Премьер-министром) и судебная власть (высшим судебным органом является Верховный Суд Кыргызской Республики).

Президент Кыргызской Республики, согласно Конституции 2010 года, является главой государства [5, статья 60, пункт 1]. В предыдущей Конституции Кыргызской Республики от 2007 года статус Президента определялся как «глава государства» и «высшее

должностное лицо Кыргызской Республики».

По новой Конституции статус Президента КР не соотносится ни с одной ветвью государственной власти. Он как бы не участвует в системе разделения властей, образуя собой особый институт, который, тем не менее, оказывает определенное влияние на процесс управления государством.

По Конституции 2010 года значительно сократилось количество прерогатив Президента республики по сравнению с предыдущими периодами. В сфере кадровой политики Президент КР имеет прямые полномочия по назначению на государственные должности только в тех государственных структурах, которые находятся в его непосредственном подчинении. Так, в связи с тем, что он является Главнокомандующим Вооруженными Силами КР и возглавляет Совет обороны, он имеет полномочия назначать и освобождать от должности высший командный состав Вооруженных Сил КР и тех членов Правительства, которые ведают вопросами обороны и национальной безопасности. Также он определяет структуру своего аппарата, т.е. Аппарата Президента КР, утверждает его положение и назначает руководителя.

Руководителей административных ведомств более низших звеньев назначает и освобождает от должности уже премьер-министр. (Для сравнения: по Конституции 2007 года Президент КР имел полномочия по предложению ЖК назначать Премьер-министра и членов Правительства, по представлению Премьер-министра назначать руководителей административных ведомств и глав местных государственных администраций; помимо этого, по своей инициативе или по предложению Премьер-министра освобождать от должности любого члена Правительства, руководителя административного ведомства и глав местных государственных администраций).

Таким образом, в Конституции КР 2010 года по сравнению с предыдущими конституциями действительно урезана значительная часть полномочий Президента. Это несомненный успех конституционной реформы, проводимой в Кыргызстане либеральными политическими силами, которые в течение многих лет, еще со времен правления А. Акаева, вынашивали идею установления в стране парламентской формы правления.

Тем не менее, некоторые эксперты делают заключение, что в Кыргызстане на данный момент установилась не парламентская, а полупарламентская (либо парламентско-президентская) форма правления. [1; 7, с. 11.]

Причиной этому служит то, что нынешняя форма правления Кыргызской Республики заметно отличается от классической модели парламентской республики. По новой Конституции Президент КР обладает достаточным объемом полномочий, хотя и не носящих прерогативный характер. Да, он отлучен от управления экономикой и кадровыми процессами в стране, но за ним остается право роспуска ЖК, он является Главнокомандующим ВС КР и возглавляет Совет обороны, представляет Кыргызстан внутри страны и за ее пределами, имеет право (по согласованию с Премьер-министром) вести переговоры и подписывать международные договоры, и т.д.

Определенный вес государственно-правовому статусу Президента КР придает и способ его избрания – на всенародных выборах всеми гражданами республики. Эта норма Конституции республики вызывает очень много споров у аналитиков, в частности, по мнению эксперта С. Масаулова: «Наша Конституция предельно противоречива, она всенародно избирает президента при всенародно избранных депутатах парламента, то есть фактически сталкивает два института» [8]. Действующий Президент республики А. Атамбаев в своем интервью российской газете «Известия» также обратил внимание на недостатки новой Конституции, заметив: «На самом деле новая форма правления скорее парламентско-президентская. Хотя бы потому, что президент избирается всенародно и получает довольно солидные полномочия» [4].

Тем не менее, по сравнению с предыдущими периодами функционирования институтов власти в Кыргызстане нынешние конституционные пределы функций и полномочий Президента более приближены к парламентской форме правления, нежели к

смешанной (парламентско-президентской). Естественно, к Президенту Кыргызстана, по большому счету, не применимо положение «царствует, но не правит», но, все же он является на данный момент достаточно декоративной фигурой в системе государственной власти Кыргызстана.

Так, он по Конституции имеет право на вето, но оно является слабым суспензивным, т.е. легко преодолимым большинством голосов депутатов Жогорку Кенеша [5, статья 81, пункт 3]. Кстати, несмотря на наличие мнения, что парламентским республикам не присуще право вето, в ряде из них оно все же присутствует. Например, монархи Великобритании формально обладают правом вето, но с 1708 года ни разу не использовали его. Право вето имеют Президент Эстонии, Верховный Глава Малайзии, Король Таиланда, но не имеют президент Германии, монархи Японии, Бельгии и Дании и т.д.

Второе. Участие Президента КР в формировании Правительства ограничивается тем, что он поручает его в необходимых по закону случаях одной из фракций и уже после формирования Правительства утверждает новый состав своим указом. При этом мнение Президента по составу Правительства совершенно не учитывается, то есть если он в трехдневный срок не издает указ, весь состав Правительства считается назначенным [5, статья 84, пункт 5].

Третье. Президент не может единолично решать вопросы введения чрезвычайного положения в стране, объявления состояния войны и др.; он только вносит эти вопросы на рассмотрение Жогорку Кенеша, и, хотя он имеет компетенцию вводить чрезвычайное положение без предварительного объявления, а также объявлять состояние войны и объявлять военное положение, Жогорку Кенеш по Конституции может легко отменить указы Президента по этим вопросам [5, статья 74, пункт 5, подпункты 1,2].

Следовательно, напрашивается вывод, что многие полномочия нынешнего Президента носят формальный характер, поскольку против них предусмотрены достаточно сильные сдержки и противовесы.

На наш же взгляд, на сегодня наиболее существенным прерогативным полномочием Президента КР является его право на роспуск Жогорку Кенеша. Это может произойти в двух случаях: когда, несмотря на соблюдение всех процедур, не сформирован состав Правительства [5, статья 84, пункт 6]; когда Жогорку Кенеш отказывает в доверии Правительству [5, статья 86]. Это полномочие Президента является, в свою очередь, еще одним элементом системы сдержек и противовесов между органами государственной власти Кыргызстана, чтобы контролировать Жогорку Кенеш.

Что касается факта всенародного избрания Президента КР, то эта конституционная норма, вопреки устоявшимся мнениям, никак не противоречит принципам парламентаризма. При том, что в большинстве парламентских республик Президент избирается Парламентом, например, в Федеративной Республике Германии выборы Федерального президента проводятся Федеральным собранием без прений, а в Эстонской Республике – Рийгикогу (Парламентом Эстонии) путем тайного голосования, или коллегией выборщиков в случае, если Рийгикогу не изберет Президента в течение трех туров, все же имеется ряд парламентских республик, в которых Президент избирается всенародно. Такая конституционная норма характерна, например, для Болгарии, Польши, Украины, Финляндии. В 2012 году к этому ряду присоединилась Чехия, которая приняла закон о прямых всенародных выборах президента республики. Согласно этому закону, в январе 2013 года в Чехии состоялись выборы, на которых всенародно был избран действующий президент страны Милош Земан. Также поправки в Конституцию страны о всенародном избрании президента были приняты в 2010 году в Турции, согласно которым всенародные выборы президента пройдут в августе 2014 года. Дискуссии о введении подобной конституционной нормы идут и в Латвии. Во всех этих государствах введение новой конституционной нормы аргументировалось и аргументируется тем, что ввиду наличия разрозненности политических сил в стране имеется настоятельная необходимость усиления президентского института как гаранта Конституции, законности и политической

стабильности, символа единения нации и беспристрастного арбитра при возможных политических кризисах в стране. И, естественно, не должно вызывать никакого сомнения тот факт, что и в Кыргызской Республике в ее сегодняшнем политическом положении Президент должен быть политически самостоятельной личностью, чтобы в случае парламентского кризиса взять на себя ответственность за политическую стабильность в стране.

Таким образом, на сегодня можно смело утверждать, что в Кыргызстане установилась именно парламентская форма правления, и не президент, а парламент (Жогорку Кенеш) имеет наиболее привилегированное положение в структуре системы государственной власти. Жогорку Кенеш Кыргызской Республики владеет обширными полномочиями, в частности, он определяет структуру и состав Правительства, осуществляет контроль за его деятельностью, вправе выразить вотум недоверия Правительству и выдвигать обвинение против Президента. Помимо этого, Жогорку Кенеш имеет prerogative назначить референдум и вносить изменения в Конституцию.

В отношении Жогорку Кенеша также предусмотрен ряд сдержек и противовесов, в частности, одним из них является выше отмеченное право Президента на роспуск парламента. Помимо этого, действующий созыв Жогорку Кенеша может прекратить свою деятельность путем самороспуска. В целях осуществления принципа сдержек и противовесов в Конституцию 2010 года было включено еще одно ограничение: независимо от итогов выборов, одной политической партии предоставляется не более 65 депутатских мандатов в парламенте из 120 возможных. Данное ограничение введено в Конституцию, чтобы не допустить гегемонии одной партии и обеспечить политический плюрализм в Жогорку Кенеше.

Таким образом, общий анализ содержания Конституции Кыргызской Республики 2010 года показывает, что основы парламентаризма в Кыргызстане заложены, ошибки прежних властных отношений учтены, что позволило осуществить перемещение центра политической власти от института президентства к парламенту – Жогорку Кенешу.

После принятия Конституции в 2010 году выборы в Жогорку Кенеш были назначены на 10 октября 2010 года. По результатам выборов, проведенных по пропорциональной избирательной системе, в Жогорку Кенеш V созыва прошли представители 5 политических партий. Одним из позитивных моментов деятельности парламента этого созыва стало то, что в нем процесс формирования коалиций большинства и меньшинства происходил независимо, в условиях отсутствия диктата со стороны президента и иных политических сил. Помимо этого, данный созыв характеризует более высокий уровень прозрачности и открытости его законотворческой и иной деятельности, связанный с тем, что на данном этапе взаимоотношения Жогорку Кенеша со средствами массовой информации вышли на новый уровень: заседания транслировались по парламентскому радио, информация об основных парламентских событиях выставлялась на интернет-сайте Жогорку Кенеша, пресс-служба Жогорку Кенеша регулярно представляла печатным и иным изданиям хронику событий в деятельности парламента и т.д.

Но, вместе с тем, многие аспекты деятельности нынешнего V созыва Жогорку Кенеша вызывают у общественности много нареканий.

В первую очередь, говорят о низком профессионализме нынешнего состава парламента, в нем всего 29% от общего числа депутатов на момент начала деятельности созыва имели юридическое образование, из них только 1 депутат – ученую степень [3, с. 21.]. Это связано с тем, что партийные списки перед выборами формируются либо из личных предпочтений лидера партии, либо за определенную денежную сумму, вносимую в казну партии со стороны кандидатов, в результате чего в парламент приходят люди, не обладающие соответствующими юридико-правовыми знаниями.

В пользу низкого уровня профессиональных качеств нынешних депутатов говорят факты. Так, в течение первой сессии (10 ноября 2010 года – 30 июня 2011 года) депутаты данного созыва рассматривали 219 законопроектов, из них были приняты 171, а

Президентом подписаны только 60, т.е. всего 35% от общего числа. Во второй сессии (с 1 сентября 2011 года – 30 июня 2012 года) дела обстояли лучше: были рассмотрены 349 законопроектов, 236 были приняты, подписаны Президентом – 192 законопроекта, что составило уже 81% [2]. За третью сессию (1 сентября 2012 года – 30 июня 2013 года) были рассмотрены 355 законопроектов, принято – 253, подписано Президентом – 146, т.е. немногим больше половины (57%).

Основными причинами такого слабого показателя эксперты видят как низкое качество разработанных законопроектов, так и отсутствие солидарности между самими депутатами, и между депутатами и Президентом [3, с. 31]. Нам бы еще хотелось обратить внимание на не совсем корректное, а зачастую и неразумное содержание некоторых предложений и инициатив, исходящих от парламентариев. В частности, из наиболее абсурдных предложений и инициатив законодателей данного созыва (некоторые из них даже переросли в законопроекты и дошли до Президента) можно вспомнить предложения о переносе выходных дней на пятницу и субботу, о химической кастрации насильников, о запрещении выезда за рубеж девушкам, не достигшим 22 лет, о посадке каждым кыргызстанцем по 5 саженцев в течение месяца и т.д.

Следующее поле деятельности Жогорку Кенеша, которое подвергается критике, это – контроль за проведением в жизнь принятых им законов и решений и за деятельностью Правительства. В этой сфере контролирующая деятельность парламентариев ограничивается только вызыванием на «ковер» представителей исполнительной власти и отправлением депутатских запросов; основные причины – это отсутствие закона о парламентском контроле, отсутствие единых критериев оценки деятельности государственного органа власти, и нежелание и неумение парламентариев проводить мониторинг по исполнению принятых законов.

Также нынешнему составу Жогорку Кенеша присущи такие черты, как:

- слабая партийная дисциплина ввиду вхождения в состав партий личностей с отличными друг от друга идейными и политическими установками;
- стремление к лоббированию собственных интересов, интересов семейного бизнеса или других представителей бизнес-элиты;
- низкая политическая культура и низкие морально-личностные качества депутатов, однозначными последствиями которых являются такие явления, как внутрипартийная и внутрифракционная вражда, сведение счетов друг с другом, протаскивание на государственные должности своих родственников, земляков и т.д., выяснение межличностных отношений вплоть до взаимных оскорблений и драк в стенах парламента.

Эти и другие нелицеприятные явления, характерные для политической жизни республики, свидетельствуют о том, что на сегодня система власти в Кыргызстане характеризуется непрофессиональным, чрезвычайно раздробленным, самовластным парламентом, и слабой, зависимой от конъюнктурных настроений парламента, исполнительной властью. На сегодня Жогорку Кенеш, состоящий из 120 депутатов, даже создавая коалицию большинства, меньше всего похож на коллегиальный орган. Не имея политического опыта, нынешний состав Жогорку Кенеша пытается управлять государством, контролировать Правительство, а на деле такая деятельность сводится к мелким придиркам. Будучи непрофессиональными законодателями, они лоббируют и принимают ненужные законы. Не имея строгой партийной дисциплины при недостаточно высоком уровне партотгенеза в стране (элементарно большое количество партий – не показатель высокого уровня партийного строительства), Жогорку Кенеш выражает интересы не определенных социальных слоев и групп, а интересы отдельных парламентариев, или интересы партий и лидеров партий. Однозначным следствием такой политики парламента стала уже третья за время их деятельности смена правительства, при этом последние две смены (с отставкой премьер-министра) произошли в результате распада коалиции парламентского большинства, инициированного лидером партии «Ата-Мекен» О.

Текебаевым.

Подобная частая смена правительства (за время суверенного развития в Кыргызстане глав правительств было 25) не есть показатель демократии, как пытаются представить некоторые политики, а проявление узких ангажированных интересов ряда кыргызских политических деятелей.

То же самое можно сказать и о кыргызской оппозиции. Сегодняшняя кыргызская оппозиция, состоящая преимущественно из отставных чиновников, амбициозна, агрессивна и нетерпелива, она требует немедленных результатов, давая все меньше шансов органам государственной власти укрепиться и начать приносить положительные результаты. Оппозиционеры, даже не дожидаясь окончания срока нынешнего созыва Жогорку Кенеша и президентского срока, заявляют, чтобы «нынешняя власть исчезла», поскольку президент «укрепляет собственную власть», а смена правительства ничего не изменит.

Это совершенно неправильный подход, поскольку на сегодня в республике произошло только законодательное оформление и закрепление новых властных отношений, а о том, привились ли в стране механизмы и принципы парламентаризма, говорить еще рано. Кыргызстану необходимо перейти хотя бы один-два пятилетних, чрезвычайно кризисных для него, рубежа, провести один-два выборов в Жогорку Кенеш, мирным способом передав власть из одних рук в другие, и только тогда можно начать делать определенные выводы. А на данный момент перед всеми институтами государственной власти Кыргызстана стоит задача укрепления парламентаризма с разработкой долгосрочной стратегии развития Жогорку Кенеша, усиления его целостности и эффективности, дальнейшего совершенствования системы сдержек и противовесов в государственном устройстве Кыргызской Республики. Достичь этого можно только при условиях слаженного функционирования всех институтов государственной власти республики, постепенного оформления и формирования парламентской политической культуры и установления традиции преемственности в политике.

Список литературы:

1. Абдразаков И. Кыргызстан – парламентско-президентская республика. // Вечерний Бишкек. 10.07.12 [электронный ресурс]. URL: <http://www.vb.kg/194133> (дата обращения 02.04.2014).
2. Алымбеков М. Жогорку Кенеш подвел итоги. // Кыргызское национальное информационное агентство «КАБАР» [электронный ресурс]. URL: <http://kabar.kg/rus/kabar/full/36398> (дата обращения 02.04.2014).
3. Жогорку Кенеш: вопросы эффективности и прозрачности. Отчет Правозащитного Центра «Граждане против коррупции». Б., 2012. – 102 стр.
4. Интервью А. Атамбаева «У нас общее прошлое, и я вижу будущее Кыргызстана в Евразийском союзе». // Известия 17 ноября 2011 года [электронный ресурс]. URL: <http://izvestia.ru/news/506878> (дата обращения 02.04.2014).
5. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года. // Официальный сайт Правительства Кыргызской Республики [электронный ресурс]. URL: http://www.gov.kg/?page_id=263 (дата обращения 02.04.2014).
6. Новая Конституция оставит главе Киргизии роль нотариуса – Текебаев. // РИА Новости. 26 апреля 2010 года [электронный ресурс]. URL: <http://ria.ru/politics/20100426/226924989.html> (дата обращения 02.04.2014).
7. Чотаев З.Д. Парламентская форма правления в Кыргызстане: проблемы и перспективы. Б., 2012. – 124 с.
8. Эксперты о парламенте и парламентаризме в Кыргызстане. // Институт общественной политики (IPP) [электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <http://ipp.kg/ru/news/2156/> (дата обращения 02.04.2014).

3. Запад и восток: противостояние или все же диалог? // Известия НАН

Мир в самом общем понимании представляет собой двуединую систему, сущностная основа которой заключается в диалектическом единстве природы и общества. В то же самое время мир многообразен и разнороден и состоит из множества подсистем, которые, существенно отличаясь друг от друга, тем не менее, являются частями единого целого.

Человечество всегда прилагало определенные усилия, чтобы познать этот мир. Но картина мира, представленная человечеству для познания, ограничена его возможностями, ибо ему на познание дается не «мир как целое», а только его часть, только небольшой участок реальности, пределы которого ограничены конкретной позицией и местом расположения той или иной части человечества. Это особенно характерно для Древнего мира, когда разные части Земли жили и развивались обособленно друг от друга, и не имели представления о традициях, обычаях и условиях проживания других народов и цивилизаций. В Средние века с началом Великих географических открытий информационный обмен между разными частями Земли значительно расширился, что послужило началом наступления глобализации, которая в последующие века с единым, взаимообусловленным, поступательным развитием инновационных, информационных и коммуникационных технологий приобретала все больший размах, до тех пор, пока не стала основной характеристикой общемировых процессов современности.

Подобная прямая зависимость видения картины мира от степени сношений людей и народов с внешним миром оказало (наряду с культурными различиями, выраженными на различных – философском, социальном, политическом, экономическом, поведенческом – уровнях) самое непосредственное влияние и на особенности соотношений понятий «Восток» и «Запад». Так, в античности греки, считая себя Западом, оппозиционировали себя с Востоком, под которым подразумевали Персию и близлежащие с ней страны и территории. С возникновением христианства размежевание между Востоком и Западом происходило по линии раздела сфер влияния католической и православной церквей, т.е. католические страны относились к западу, а православные, в том числе и Русь – к Востоку. В последующие века различия по религиозным признакам позволили причислить к Востоку афро-азиатские мусульманские, индо-буддийский и китайско-конфуцианский народы, а Россия в ряде случаев рассматривалась как некая буферная зона между Востоком и Западом (с точки зрения евразийства), а с точки зрения преимущественно западников Россия всегда относилась и продолжала относиться к Востоку.

В XX веке в проблеме дихотомии «Запад-Восток» явно стали преобладать политические составляющие, вследствие чего на двух полярных концах оппозиции Запада с Востоком расположились два политических блока, два основных «мира» – капиталистический и коммунистический (центрами которых являлись США и СССР). И только с распадом СССР и ослаблением политической конфронтации в мире стало понятно, что и Запад, и Восток являют собой отнюдь не монолиты, не своего рода цельные массивы культур, а, скорее всего, некие конгломераты, т.е. соединения похожих, но все же разных со своими специфическими особенностями групп культур. Например, Восток можно разделить на конфуцианский, тюрко-язычный, ближневосточный, тихоокеанский и т.д., а Запад – на центрально-европейский, западноевропейский, атлантический. Таким образом, необходимо сделать вывод, что географическое содержание дихотомии «Восток-Запад» на всем протяжении ее развития большей частью определяли политические, идеологические и иные факторы, характерные для той или иной исторической эпохи.

Но все же основным фактором, разделяющим мир на Восток и Запад, являются культурные различия, характерные для тех или иных народов. Несмотря на то, что история человечества началась с Востока, но впервые анализировать отличия западного образа жизни и мышления от восточного начали на Западе, точнее, в античной Греции, т.е. основы таких наук, как ориенталистика, компаративистика, были заложены в Европе. Возможно,

именно поэтому все восточное всегда трактовалось как нечто более худшее, чем западное, поскольку изначально, с самых истоков был введен в действие определенного рода культурно-цивилизационный стереотипизм, основанный на мышлении, что «чужое», «неизвестное», «неизведанное» всегда хуже, чем «свое», «родное».

Это наиболее заметно на примере позиции античных философов и историков, которые выделяли как своеобразную форму правления «деспотическую монархию», которая четко ассоциировалась ими с Востоком, в частности, с Персией, и которая ими чрезвычайно осуждалась и негативизировалась, и это при том, что самой Элладе были характерны не менее «отрицательные» формы правления в виде, скажем, тирании. Но, несмотря на это, деспотия («азиатская деспотия», «восточная деспотия») в Европе всегда воспринималась в качестве некоей аномалии, отклонения от нормы, которое заслуживает немедленного порицания, осуждения и даже наказания.

Такой же «анафеме» подвергались абсолютно все характеристики восточного образа жизни и мышления, например, такие признаки, как стабильность, спокойствие, умиротворенность насущным, трактовались как застойность; стремление к гармонии с природой и к развитию естественным образом – как отсталость; следование строгому моральному стандарту – как косность; распространение морали и норм традиций на социальные и политические институты – как произвол и т.д.

Поэтому многие исследователи приходят и пришли к мнению, что проблема противостояния Востока и Запада имеет скорее искусственное происхождение, чем естественно-натуралистическое. Так, ряд авторов считает: «Отсюда можно сделать вывод о том, что проблема «Восток-Запад» – это проблема, имеющая европейское происхождение, что формулировка связи «Восток-Запад» как одной из главных культурологических оппозиций – формулировка, утверждаемая «западной» культурной традицией, что «востокоцентризм» есть ответ на тот социально-исторический и культурный вызов, который определился в установках «европоцентризма» на распространение во всем человеческом сообществе» [5]. И как тут не вспомнить современный всплеск международного терроризма, имеющего исламские корни, который прозвучал в ответ на очередную «волну демократизации», предпринятой западным миром.

Исходя из самых строгих требований, конечно же, культуры Запада и Востока во многом отличны друг от друга и даже противоположны. Сравнение культур Запада и Востока можно производить на многих уровнях, философском, политическом, социальном, экономическом, поведенческом и пр. Например, на философском уровне основной характеристикой культуры Востока является его мистицизм, притом, что западной культуре более свойственен рационализм. Конечно же, элементы мистицизма были свойственны и для Запада, в частности, они были характерны философско-религиозным учениям древних веков (пифагореизм, неоплатонизм), философии средневековья (учения И. Экхарта, И. Таулера и др.) и даже Нового и Новейшего времени (неотомизм, персонализм и пр.). Но все же, вопреки этому, считается, что мистицизм более характерен для восточной культуры, нежели западной, поскольку, мистические школы Запада играли только второстепенную роль, тогда как на Востоке мистицизм был основой многих религиозных, и даже научно-философских систем.

На политико-правовом уровне Восток всегда ассоциируется с автократией, а Запад – с демократией, хотя государства Запада пришли к демократии отнюдь не сразу, и в его истории были авторитарные, а то и тоталитарные периоды. К тому же, в том факте, что любые проявления автократии в развитии государств Востока воспринимаются крайне негативно со стороны западных политиков и ученых, проскальзывает все тот же стереотипизм: «чужое это не есть хорошее». Не последнее значение имеет и субъективизм исследователей, напрямую зависящий от их политических, идеологических и иных убеждений, чем объективная оценка ими истинной природы того или иного правления. Иначе говоря, вспоминая Гоббса, это всего лишь «выражение порицания», которое своим истоком имеет только субъективное неприятие данной формы государства: «...те, кто

испытал обиду при монархии, именуют ее тиранией, а те, кто недоволен аристократией, называют ее олигархией...» [3].

На социальном уровне двухкомпонентная оппозиционность Востока и Запада проявляется в сочетании таких понятий, как коллективизм и индивидуализм. Существует мнение, что «история движется между двумя полюсами, одним из которых является коллективистическое общество, другим – индивидуалистическое общество» [4;43]. При этом под коллективизмом понимают «признание абсолютного главенства некоторого коллектива или группы – например общества, государства, нации или класса – над человеческой личностью», а под индивидуализмом понимают оформленные и беспрекословно соблюдаемые в обществе «автономию личности, ее независимость и самостоятельную ценность» [4;47]. И, естественно, что термин «коллективизм» ассоциируется с восточным закрытым обществом, а индивидуализм является чертой западного открытого общества, хотя в чистой форме они в мире встречаются очень редко.

На экономическом уровне в качестве таких бинарных понятий можно выделить понятия «аграрное» и «индустриальное». Эти понятия в их сугубо экономическом значении являются более устаревшими характеристиками мира, поскольку современный мир уже давно пересек черту перехода от индустриального к постиндустриальному этапу своего развития, поэтому сегодня такого явного разделения, как аграрный Восток и индустриальный Запад не существует. Но, вместе с тем, эти понятия – аграрное и индустриальное общества – используются в более широком значении, как общая характеристика восточного и западного обществ, которая включает в себя все основные культурные различия между этими обществами. Так, для аграрного (которого в этом случае предпочтительнее называть традиционным) общества характерны такие признаки, как коллективизм, приоритетность интересов любого вида коллектива – семьи, общины, рода, племени, общества – перед интересами индивида, а также непререкаемый авторитет старших перед младшими, поскольку старшие в силу своего многолетнего жизненного опыта лучше знают, что нужно для общины. Отсюда проистекает такое явление, как почитание власти и традиция беспрекословного повиновения начальству. В традиционном обществе во главу угла ставятся не права личности и свобода выражения мнений, а стабильность и порядок. И поэтому традиция подчинения соблюдается беспрекословно, «вплоть до самого верха, до государственной власти, обеспечивающей сохранение и укрепление всех этих ценностей (при условии, конечно, что возглавляет государственную пирамиду «праведный правитель»)» [6]. Для индустриального же общества характерны такие традиции, как приоритет частной собственности над коллективной, индивидуализм, инициативность мышления, приоритет прав человека перед государственными институтами, приверженность к демократической форме правления. И даже сегодня, в постиндустриальную эпоху, различия между традиционным и индустриальным обществами продолжают сохраняться, поскольку в традиционных обществах ценности западных стран, заявленные как общечеловеческие, усваиваются чрезвычайно медленно. Основной причиной тому, на наш взгляд, является не столько то, что западные ценности идут вразрез со сложившимися в течение многих веков традициями и культурными нормами восточного мира, в силу чего он оказывает активное сопротивление процессу вестернизации, сколько то, что эти общества и социально-политические ценности, устоявшиеся в них, в известной степени самодостаточны, чтобы самостоятельно идти к передовым рубежам. По этому поводу российский ученый Н.В. Буравлева считает, что «Такие цивилизации, как правило, не нуждаются в массовых заимствованиях запланированным целеустремленным путем... Им вполне достаточно спонтанных межцивилизационных связей путем культурных обменов и взаимопроникновения научно-технических и идейных новаций» [2; 129].

И, наконец, на поведенческом уровне оппозиция Востока с Западом проявляется в таких компонентах, как созерцательность и активизм. Под активизмом понимают взгляд, согласно которому сущность человека заключается в деятельном преобразовании внешнего

мира, т.е. жизнь имеет смысл, когда человек действует, когда он к чему-то стремится. Термин «западный активизм» возник в Новое время, т.е. XVI-XVIII вв., с развитием науки и производства, когда в мышлении западного человека укоренилась вера в неограниченные возможности и могущество человека, в его разум и торжество науки.

Но с начала XX в. пришло осознание того, что активизм сам по себе не есть благо, поскольку он «лишая людей права наслаждаться мгновением, лишает смысла саму деятельность – ибо мы совершаем нечто не ради бесконечной деятельности, а для того, чтобы чего-то достигнуть» [1]. Поэтому в этот период западное общество постепенно начинает отходить от неумеренного активизма, который приносит негативные последствия (это особенно ярко проявляется во взаимоотношениях человека с природой, ибо неконтролируемый активизм в этой сфере угрожает не только природе, но и обществу, подставляя под угрозу само существование человечества). Еще одним негативным следствием активизма является то, что, чем больше человек создает, тем больше он испытывает недоверие ко всему, что не сделано его руками, т.е. по формулировке Х. Арндт это звучит так: «чем больше развита цивилизация, тем более совершенный мир она создает; чем более дома чувствуют себя люди в этой искусственной среде, тем больше будет их возмущать все постороннее, ими не произведенное, что просто и таинственно ниспослано им» [7]. Возможно, именно этим поведенческим предрассудком и объясняется свойственное Западу желание и стремление изменить мир и преобразовать его по своему подобию.

Активизму противопоставляется созерцательность, под которой понимают непосредственное, а порой и пассивное постижение человеком законов как внешнего, так и внутреннего мира, при реализации только той деятельности, которая в той или иной степени органична с его внутренним миром. Такая форма познания мира в большей степени характерна для Востока, поэтому укоренился термин «восточная созерцательность», ассоциируемая с такими понятиями, как безмятежность, мистическое единение с природой, сосредоточенность на внутренней духовной жизни, самоуглубленность и т.д. В ту пору, когда активизм идеализировался и представлялся в виде преобразующей мир деятельности и единственного ключа к истине, созерцательность воспринималась как пассивное восприятие существующего положения дел, ассоциируемой с безысходностью, покорностью, терпеливостью и т.д. Сегодня же в эпоху воинственного, экспрессионистического активизма созерцательность представляется только как эстетизирующее начало.

Таким образом, оппозиционность Запада и Востока проявляется в таких ярких характеристиках, как рационализм, демократичность, индивидуализм, индустриализм и активизм Запада и мистицизм, склонность к авторитаризму, коллективизм, традиционализм и созерцательность Востока. Эти характеристики во временно-пространственном континууме развития Запада и Востока проявлялись неодинаково: какие-то черты были присущи той или иной цивилизации в прошлых веках, другие приобрели бóльшую интенсивность в современное время, но, тем не менее, именно эти черты всегда являлись тем ориентиром (порой даже символическим), на основе которого происходило разделение мира на два противопоставляемых друг другу полюса – Запад и Восток.

Но в современное время развитие глобализационных процессов, приведшее к транснационализации экономики, стандартизации и унификации культурно-цивилизационных ценностей, демократизации государственного и общественного устройства и т.д., не только уменьшило значение и степень имманентности этих, казалось бы, неотъемлемых черт Запада и Востока, но и в некотором роде сгладило противостояние Запада и Востока как совершенно противоположных и принципиально различных цивилизационных систем. Сегодня все более укрепляется мышление, что в пределах мирового сообщества могут существовать и сосуществовать в форме полноценного диалога и взаимодействия различные культуры и цивилизации, имеющие разные ценностные ориентации и разные уровни развития.

Мы далеки от мысли, что противостояние «Запад-Восток», длящееся не одно столетие, изжило себя совсем, но осознание необходимости диалога, взаимодействия и взаимопомощи выходит на все более высокий уровень, обретая смысл и контуры возможной реализации.

Следует еще подчеркнуть, что в современных условиях основным принципом диалога культур и цивилизаций должна стать необходимость признания самоценности каждой культуры и ее носителей, независимо от того, насколько они различаются друг от друга, и какие наборы ценностных ориентаций имеют, только в этом случае возможен полноценный Диалог культур.

Литература:

1. Бохеньский Ю. Сто суеверий. Краткий философский словарь предрассудков. М., 1993 г.
 2. Буравлева Н.В. Некоторые реалии постмодерна в политическом развитии Запада и Востока // Актуальные проблемы политологии: Сборник научных работ студентов и аспирантов РУДН. Отв. ред.: д.ф.н., проф. В.Д. Зотов. М., 2001.
 3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001. Электронная версия из Библиотеки bookZ. <http://bookz.ru/>
 4. Ивин А. Философия истории. М., 2007.
 5. Кемеров В.Е., Коновалова Н.П. Восток-Запад. // «Философский словарь». «Мир словарей» – коллекция словарей и энциклопедий. <http://mirslovarei.com/>
 6. Мирский Г. Политическая культура Казахстана – симбиоз Запада и Востока. // Россия в глобальной политике. М., 2004.
 7. Фурс В.Н. Атеизм // История философии. Энциклопедия. Минск, 2002.
- 4. Автократия как совокупность всех недемократических режимов. // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции г. Новосибирск, 8 декабря, 23 декабря 2015 г. / Под общей редакцией С.С. Чернова Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015.**

В статье обосновывается позиция автора по пересмотру общепринятой классификации форм политического режима и замене понятий «тоталитаризм» и «авторитаризм» понятием «автократия». Ввиду того, что автократия – это форма политического режима, утверждается, что через понятие «автократия» можно выразить всю совокупность недемократических режимов. Также выявляются основные различия между «автократией» и «монархией».

Ключевые слова: автократия, классификация форм политического режима, авторитаризм, тоталитаризм, недемократические режимы, монархия, демократия.

В последние годы в политико-академических кругах дискутируется вопрос о целесообразности разработки новой классификации форм государства, поскольку имеющиеся на данный момент классификации не могут «удовлетворять ни научным, ни практическим потребностям» [2,126], хотя, как замечают эксперты: «Сами политические системы сегодня изменяются столь быстро, что классифицировать их в высшей степени сложно: это вечная гонка за постоянно изменяющейся политической реальностью», вследствие чего «любая классификация будет носить временный характер» [7,38]. И, действительно, современные быстро меняющиеся реалии времени требуют пересмотра устоявшейся за многие десятилетия классификации политических систем с тем, чтобы ввести в политический обиход новые наиболее адекватно отражающие политическую реальность понятия, либо дать уже известным понятиям и терминам новый импульс,

придать им новое звучание. На наш взгляд, одним из таких понятий должно стать понятие «автократии».

Это понятие, по сути, является антиподом демократии, следовательно, им можно заменить такие уже в той или иной мере непопулярные, устаревающие и стереотипизированные понятия, как «тоталитаризм» и «авторитаризм». Первый термин в новой классификации не может иметь превалярующее значение, поскольку на сегодня тоталитаризм как форма политического режима уже изживает себя (на сегодня единственным государством, более всего претендующим на роль тоталитарного государства, остается лишь Корейская народно-демократическая республика – КНДР). Это связано с тем, что в течение всей истории эволюции человечества режимы с тоталитарным направлением получили развитие только в XX веке с развитием фашистско-нацистской и коммунистической идеологий, и с их уходом с политической арены и наступлением эры демократизации тоталитарная форма устройства политической власти становится все более не востребуемой и непривлекательной.

Что касается авторитаризма, то данное понятие имеет более узкое значение, чем автократия: когда говорят об авторитарном режиме, обычно имеют в виду псевдodemократические режимы XX века, в которых имеется некое подобие народовластия с формально проводимыми выборами, плебисцитом, декларируемым равенством прав, формально-конституционально закрепленным принципом разделения властей и т.д. А по отношению к другим формам и историческим проявлениям недемократических режимов, таким, как деспотия, тирания, абсолютная монархия и т.д., понятие «авторитарное правление» менее применимо и менее ассоциативно.

Поэтому, на наш взгляд, для обозначения совокупности недемократических режимов более подходящим термином является термин «автократия», который в последние годы все чаще употребляется в западной аналитике для обозначения всех недемократических режимов.

Если обратиться к научному определению данного понятия, то из всего множества дефиниций можно выделить следующие:

В Большом энциклопедическом словаре автократия трактуется как «форма правления с неограниченным бесконтрольным полномочием одного лица (деспотии Др. Востока, империи Рим, Византия, абсолютные монархии, фашизм и др.)» [1,14].

Согласно С.Ю. Солодовникову [3], «Автократия – форма государства, где высшая государственная власть принадлежит одному субъекту», который «обладает высшей законодательной, исполнительной и судебной властью».

В.Ю. Шпак считает, что «Автократия – одна из форм правления, основанная на неограниченном и бесконтрольном полномочии одного лица в государстве» [4].

В Онлайн-энциклопедии «Кругосвет» автократией называется «политическая система, при которой один правитель имеет беспредельную власть, не ограниченную никакими конституционными положениями или эффективной политической оппозицией» [5] и т.д.

Как видно из данной выборки, в российской политологической литературе к автократии относят те виды правления, в которых владычествует один правитель, т.е. термин «автократия» трактуется как понятие, обозначающее форму государства, в которой высшая абсолютная власть принадлежит одному субъекту, в частности, в качестве примеров автократических режимов приводят древние деспотические государства Востока, позднеантичные и средневековые западные империи, абсолютные монархии нового времени и режимы личной власти (фюрера, каудильо, дуче) новейшего времени.

Обращает внимание и тот факт, что в трактовках российских исследователей вопрос классификационной принадлежности понятия «автократия» остается открытым – в отношении нее применяются разнообразные термины («форма правления», «форма государства», «политическая система», «политический режим»).

Что касается западных ученых, то, по мнению некоторых из них, одной из основных

характеристик автократии является не количество лиц, стоящих у руля власти, а специфика технологий осуществления власти, т.е., по их мнению, автократия – это устройство, при котором используются недемократические методы правления. В частности, американские политологи К. Фридрих и Зб. Бжезинский в своей книге «Тоталитарная диктатура и автократия» утверждают: «Отличительной чертой всех автократических режимов является неподотчетность правителя никому во всех его действиях» [6]. По мнению Г. Моска, суть автократических режимов заключается в том, что при них «власть передается сверху вниз так, что выбор низшего функционера предоставляется высшему». При этом во главе государственной власти стоит автократ, т.е. «личность, которая персонифицирует институт, от имени которого действуют все те, кто наделяется частью или частицей публичной власти» [8,59].

Как видно, и американские политологи, и итальянский ученый выделяют в качестве основного признака автократии не исключительное, а всего лишь ведущее (в ряду других лиц или институтов) положение правителя. Следовательно, они под автократией понимают всю совокупность недемократических политических режимов, управляемых как единовластно, так и формально-коллегиально.

Эта точка зрения более предпочтительна, потому что, во-первых, сама автократия, по своей сути, форма политического режима, а не форма правления, а, во-вторых, подведение под понятие «автократии» всей совокупности недемократических режимов не только отвечает сущности этого понятия, но и отчасти решает выше обозначенную проблему классификации форм государства вообще.

Аргументируя эти положения, можно отметить:

Первое. Как следует из содержания самого термина и из содержания понятия, в основе автократии (с греч. – *αὐτός* – сам, *κράτος* – власть) лежит единоличное неподотчетное отправление властных функций лицом, стоящим выше других. Следовательно, формат и специфика того или иного автократического правления находятся в прямой зависимости от методов и средств властвования автократа, от его личностных характеристик, который правит государством «по-своему», в прямой зависимости от своего видения, возможностей и способностей. Ввиду этого, учитывая то, что под политическим режимом понимается именно способ функционирования политической системы, автократию, наравне с демократией, необходимо считать формой политического режима.

В этом отношении автократия значительно отличается от монархии, при том, что оба эти понятия, по большому счету, означают единоличное властвование одного лица (верховного правителя). Но при этом между монархией и автократией имеются определенного рода отличия, заключающиеся в том, что, во-первых, монархия – это единовластие монарха (лица, имеющего доступ к власти по праву рождения и принадлежности к родовой знати), а автократия – это единовластие лица, получившего доступ к власти по разным обстоятельствам: при помощи богатства, исключительных способностей к управлению, захвата власти, а также по праву рождения и принадлежности к родовой знати. В таком понимании понятие автократии несколько шире, чем понятие монархии. Но в то же самое время под монархией понимают власть монарха вообще, независимо от времен и пространств, и безотносительно к личности самого монарха, при том, что автократия представляет собой частный случай, практику властвования того или иного конкретного правителя, в том числе и монарха, который правит государством сообразно своим представлениям о власти, используя необходимые и наиболее эффективные на его взгляд (насильственные или ненасильственные) методы и средства, т.е. в таком понимании понятие монархии более шире и объемнее, чем автократия. Тем не менее, в любом случае, отличия между монархией и автократией очевидны, а из второго положения следует, что монархия – это характеристика структурного оформления государственной власти, следовательно, она относится к формам правления, а автократия характеризует собой способы осуществления государственной власти, стало быть она – форма политического режима.

Второе. Автократия – это недемократическая форма политического режима, поскольку она характеризуется признаками, совершенно не свойственными демократии, основными из которых являются:

1. Власть автократа либо не ограничена никем и ничем, либо ограничена частично (конституцией, нормами морали, обычного права и др.).
2. Государственная власть в автократиях не подконтрольна гражданам.
3. Разделение властей в автократиях может быть закреплено законодательно, но на деле оно существует номинально, в силу того, что глава государства (который, чаще всего, стоит во главе исполнительной власти) доминирует над остальными.
4. Автократическое государство стремится регулировать все сферы общественной жизни, вплоть до личной жизни граждан, ограничив их права и свободы.
5. Автократическое государство стремится не допускать политического плюрализма в стране.
6. Государственная власть при автократическом режиме чаще использует насильственные методы управления обществом, вплоть до репрессий и массового террора.

Третье. Автократия – это совокупность всех недемократических режимов. Недемократические режимы многообразны, среди которых встречаются как режимы личной власти (деспотии, тирании, некоторые виды монархии и т.д.), так и режимы, управляемые корпоративно (бюрократией, группой олигархов, национальной элитой, группой военных и т.д.). И в том, и в другом случае лица, стоящие у власти, правят государством и обществом, реализуя либо собственные интересы, либо интересы тех социальных групп, которые они представляют (бюрократии, олигархии, политической партии и др.). Интересы всей нации при этих режимах по большей части не учитываются, мнения большинства игнорируются, т.е. государство управляется узким кругом лиц, которые руководствуются собственными нормами и правилами, не ориентируясь на мнение большинства. Следовательно, все эти режимы автократичны.

Исходя из этих трех пунктов, можно вынести определение автократии: «Автократия или автократический режим – это политический режим, при котором государственная власть сосредоточена в руках единого правителя или корпоративного властного органа (олигархического, военного, аристократического, партийного, теократического и т.д.) и осуществляется при минимальном участии народа с использованием недемократических методов управления».

Таким образом, выясняется, что все многообразие форм государств, как отживших свое, так и ныне существующих, можно выразить через классификацию, состоящую из двух основных (не считая подформ) форм политического режима – демократии и автократии.

Список литературы:

1. Большой энциклопедический словарь [Текст]. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», СПб.: Фонд «Ленинградская галерея», 1993.
2. Иванов В. Формы правления и политического режима: в поисках нового содержания [Текст]. // Логос, №6, 2008. С. 121-155.
3. Новейший философский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vseslova.com/fil2new/page/avtokratiya.122/> (дата обращения 07.12.2015).
4. Политология. Словарь [Текст]. / Отв. ред. В.Н. Коновалов. М: РГУ. 2010.
5. Энциклопедия Кругосвет. Универсальная научно-популярная онлайн-энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/enc/gosudarstvo-i-politika/avtokratiya> (дата обращения 07.12.2015).
6. Фридрих К., Бжезинский Зб. Тоталитарная диктатура и автократия [Электронный ресурс]. / Реферат. Ю.И. Игрицкий. URL: <http://pavroz.ru/files/friedrichbrzezinski.pdf> (дата обращения 07.12.2015).
7. Хейвуд Э. Политология [Текст]. Пер. с англ. / Под ред. Г.Г. Водолазова и В.Ю. Бельского. М.: ЮНИТИ, 2005.

8. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика (учебное пособие) [Текст]. М.: Интерпракс, 1995.

5. К вопросу о сущности авторитаризма. // Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции г. Новосибирск, 8 декабря, 23 декабря 2015 г. / Под общей редакцией С.С. Чернова Новосибирск: Издательство ЦРНС, 2015.

В статье дается характеристика авторитаризму как одной из форм политического режима, выделяются его отрицательные и положительные черты. Подчеркивается, что авторитаризм, будучи феноменом XX века и соприкасаясь с современными глобализационными процессами, приобретает более мягкие и менее насильственные черты. Высказывается мысль, что авторитаризм может стать одной из наиболее долговечных форм государства.

Ключевые слова: авторитаризм, тоталитаризм, политический режим, долговечность режима, монархия, стабильность монархии.

По общепринятому определению, авторитаризм – это политический режим, при котором государственная власть концентрируется в руках либо одного человека, либо в одном органе власти (чаще всего исполнительном), которые проводят политику жесткого контроля общественной жизни и ограничения всякого рода свободы и плюрализма мнений.

Ряд исследователей относят к авторитаризму множество современных правлений, которые так или иначе соответствуют сути авторитаризма. В частности, согласно Х. Линцу, авторитарный режим подразделяется на пять субрежимов: военно-бюрократический авторитаризм, корпоративный авторитаризм, дототалитарный авторитаризм, постколониальный авторитаризм и расовая или этническая квазидемократия [7,175-178]. С. Хантингтон, справедливо полагая, что авторитарные режимы не имеют общего ядра, и их связывает между собой только то, что они «не являются демократическими», выделяет четыре современных типа авторитаризма (однопартийные системы, военные режимы, личные диктатуры и расовые олигархии) [8,122]. А.П. Цыганков отмечает четыре разновидности авторитаризма: однопартийные системы, военные режимы, режимы личной власти и бюрократически-олигархические режимы [9,170-177]. Согласно Р.Т. Мухаеву, авторитаризм реализуется в трех основных формах: военном режиме, гражданской диктатуре и теократическом режиме [4,185-186], и т.д.

Как следует из данного краткого обзора, для всех исследователей бесспорным и несомненным является тот факт, что авторитаризм, как и тоталитаризм, является «продуктом», феноменом только XX века.

Это, естественно, верная позиция, поскольку под авторитаризмом должен пониматься современный политический режим, присущий государству, высшие эшелоны власти которого структурированы на основе принципа разделения властей, но при этом данное разделение действует формально, фактически же вся государственная власть принадлежит одной исполнительной власти. При авторитаризме власть единого лидера по-прежнему остается высокой, но не неограниченной, т.к. он вынужден считаться со своим ближайшим окружением, составляющим вместе с ним исполнительную ветвь государственной власти.

Также одним из основных признаков авторитаризма является то, что при нем в качестве средств властвования используются командно-административные методы управления, но не используются такие характерные для некоторых правлений методы, как террор, репрессии, насаждение страха. Посему, авторитаризм – это, на наш взгляд, более мягкая и менее насильственная форма единоличного властвования, которая устанавливается под влиянием воздействия глобализационных процессов, происходящих

сегодня в мире. Это особенно касается современных авторитарных режимов, которые установились после развала социалистического лагеря, вследствие чего даже существует термин «псевдодемократия». Если смотреть с такой точки зрения, не все режимы недемократического типа XX века можно отнести к авторитаризму.

Вообще, в отношении авторитарных и тоталитарных государств принято считать, что подобные неконституционные государства более характерны для незападной части земного шара, т.е. в научной литературе издавна укоренились как нечто бесспорное и аксиоматичное понятия «авторитаризм Востока», «азиатский деспотизм» и другие. С одной стороны, это трудно отрицать, поскольку, действительно, на сегодня восточный тип властвования более авторитарен, чем западный. Это связано с особенностями восточной культуры, для которой характерны такие архетипы, как традиционализм, консервативность, пассивность и т.д., приведшие к формированию особого рода общества. Эти и другие характерные черты восточного общества даже сегодня, в эпоху глобализации, интеграции, унификации и стандартизации, в большинстве случаев не позволяют государствам слиться в ряд современных демократий.

Но, с другой стороны, можно оспорить утверждения об авторитаризме как «порождении» только лишь Востока (вспомним, режим Шарля де Голля во Франции в 1950-60-х годах), тем более, об его однозначно отрицательной сути, т.к. авторитаризм, так же, как и все остальные режимы, обладает совокупностью присущих ему как существенных недостатков, так и несомненных достоинств. Так, в число недостатков авторитарного режима можно внести такие его характерные особенности, как:

1. неподконтрольность власти народу;
2. возможность его перерастания в более жесткий, тоталитарный, режим;
3. наличие прямой связи характера государственной власти от личности правителя (либо верховных лиц коллегиального властного органа);
4. недемократичность проведения выборов в государственные органы власти (отсутствие альтернативы либо фиктивность наличия альтернативы, использование административных ресурсов при проведении выборов, подкуп электората, коррупция, манипуляция общественным сознанием и т.д.);
5. формальность обеспечения принципа разделения власти при отсутствии или недейственности системы сдержек и противовесов;
6. ограниченность политического плюрализма с наличием только «дозированного инакомыслия»;
7. ограниченность институционализации политического выражения общественных интересов или интересов отдельных граждан и т.д.

Вместе с тем, авторитаризм характеризуется целым рядом преимуществ, которые выделяют его среди остальных, и которые позволяют его приверженцам считать данный режим одной из наиболее сильных и эффективных форм современного государства; в их числе:

1. наличие сильной власти, сосредоточенной в руках узкого круга лиц или одного верховного правителя;
2. высокая способность обеспечивать политическую стабильность и общественный порядок;
3. устойчивость к социальным потрясениям и способность к разрешению острых социальных кризисов с наименьшими потерями;
4. возможность достижения успешного экономического развития страны;
5. отказ от террора и тотального контроля над обществом;
6. высокая способность к мобилизации общественных ресурсов в случае чрезвычайных обстоятельств, в том числе и внешних военных вторжений или других военных действий;
7. возможность обладания популярностью среди значительных слоев населения и базирования на активной массовой поддержке в кризисные моменты.

В этих своих характеристиках авторитаризм значительно отличается от тоталитаризма. Еще одним отличительным признаком авторитаризма, на наш взгляд, является его относительное «долголетие»: если провести параллель между авторитаризмом и тоталитаризмом, то последний характеризуется более коротким «возрастом», являя собой некую переходную форму от одной формы режима в другую.

Как известно, тоталитарный политический режим устанавливается на легитимной основе, с общего согласия нации, и почти в течение всего своего существования пользуется всенародной поддержкой. Так было в нацистской Германии и так было в СССР при Сталине. Единственным объяснением этому феномену служит, по утверждению А.П. Бутенко, экстремальность ситуации, перед которой оказывается общество в тот или иной период своего развития, и в целях «спасения нации» народ идет за своим лидером в ущерб собственным, порою даже острожизненным, интересам. В связи с этим Бутенко даже утверждает, что утверждение тотального контроля над обществом не есть следствие пассивности масс, а, наоборот, понимания ими чрезвычайной ситуации и их политической активности, отсюда и «готовность населения к определенным жертвам во имя решения «возвышенных героических задач», чем широко пользуются в своих интересах творцы тоталитарных порядков» [2].

И именно с этим фактором, на наш взгляд, связана кратковременность существования тоталитарного режима, ибо он призван решить определенную, важную для данного этапа развития общества, задачу, справившись с которой, и тем самым исчерпав все свои возможности, он самореформируется в другой, более подходящий для новых условий, режим. В частности, в советских условиях он был трансформирован в авторитаризм.

Еще одной чертой, характерной для тоталитаризма, является то, что при нем используются непопулярные силовые методы и средства властвования, такие, как преследования, уничтожение политических оппонентов, репрессии, и даже террор. Следовательно, этот режим по своим методам осуществления власти является отрицательным, что, возможно, является одной из причин кратковременности его существования, ибо такого рода правления антинародны по своей сути, что подтверждает и Аристотель, когда объясняет причины краха тираний (кстати, также отличающихся коротким сроком существования): «низменная страсть, корыстолюбие правителей... повели к усилению народной массы, так что последняя обрушилась на них» [1,479].

Авторитаризм же является немного более долговечной формой политического режима, что подтверждает их, скажем так, не совсем отрицательную сущность: ведь издавна принято считать, что долговечность существования государства есть одно из самых убедительных свидетельств доброкачественности правления. По этому поводу еще Платон замечал: «Трудно пошатнуть государство, устроенное таким образом» [5,330], вспоминая самое правильное на его взгляд правление – аристократию.

Если с этой точки зрения рассматривать все разнообразные проявления государственного устройства, то в истории человечества наиболее стабильными являются монархии, чьи возрасты насчитывают многие столетия. Это связано с тем, что их устои основываются на исконно присущих данному обществу и исторически оформленных традициях, обычаях и нормах, вследствие чего обладают значительной поддержкой народа. По этой же причине данные режимы не используют непомерно жестокие методы подавления населения, правя если не совсем нравственно, то хотя бы в соответствии с устоявшимися в обществе традициями. Такого рода властвование, согласно М. Веберу, носит название традиционного, которое опирается на веру народа в священность, вечность и незыблемость не только власти, но и властедержащих, в силу чего последние стремятся следовать традициям и не допускать произвола власти.

Что касается авторитаризма, то он, с одной стороны, судя по реалиям некоторых примеров (например, режима Шарля де Голля), может быть установлен в государстве по жизненной необходимости, чтобы избежать более негативных последствий острейшего

правительственного кризиса, следовательно, такая форма авторитаризма кратковременна по сути, поскольку она, либо выполнив свое предназначение, либо со смертью правителя, перестает существовать, но, с другой стороны, если авторитаризм имеет более глубокие корни, уходящие вглубь веков (историческая обусловленность, культурно-цивилизационные, религиозно-этнические особенности народа, предрасполагающие к авторитаризму), то авторитаризм может переходить из одного поколения правителей к другому, как при монархии. Следовательно, ввиду этого, авторитаризм может стать одним из наиболее стабильных долговечных режимов, продолжив «традиции» монархии.

Но на данный момент под действием глобализационных и интеграционных процессов авторитаризм в ряде государств приобретает более либерализованные формы, которые сейчас в разных публикациях называются по-разному: «просвещенный» авторитаризм, «электоральный» авторитаризм или электоральная демократия, псевдодемократия, дефектная демократия и т.д. Кстати, по классификации международной организации «Freedom House» «примерно 54 государства мира могут быть признаны псевдодемократиями в той или иной форме» [6]. Этот факт, казалось бы, должен послужить неопровержимым доводом в пользу того, что авторитаризм является непродолжительной и переходной к демократии формой политического режима, и что это, в конце концов, приведет к торжеству демократии во всем мире. Но это отнюдь не так, что подтверждается опытом многих современных государств, часть которых и сегодня продолжает сохранять жесткий авторитарный стиль управления, не включаясь ни в какие волны демократизации (Китай, КНДР, Куба, Туркменистан и др.), другая часть, добившаяся определенных достижений в области демократизации общества, через некоторое время совершает серьезный откат в сторону автократии (например, Мадагаскар, Филиппины, Сенегал и ЮАР), третьи же, вступив на путь демократизации под давлением извне (Ирак, Афганистан, некоторые страны СНГ), демонстрируют в лучшем случае совсем невысокое качество демократии. Поэтому уже даже среди западных исследователей все больше находится приверженцев позиции о признании особых, резко отличных от западных, но равноценных с ними, азиатских (конфуцианских, мусульманских) и иных ценностей, которые влияют на образы правления в этих государствах. В частности, ученые Р. Пееренбум, К. Петерсен и А. Чен на основе сравнительного анализа азиатских государств с некоторыми западными полиархиями приходят к выводу, что на уровень соблюдения гражданских прав и качество верховенства права наибольшее влияние оказывают (наряду с факторами общественного и экономического развития) культурные и исторические особенности народов [3,87].

Следовательно, пока существуют различия между культурами и цивилизациями, неискоренимы будут и отличия в образах правления, поэтому можно хотя бы на ближайшее будущее спрогнозировать сохранение авторитаризма как одного из основных современных политических режимов. Тем более, как было отмечено выше, продолжительность срока существования того или иного режима напрямую зависит от степени добропорядочности правления при нем, а авторитаризм на данный момент – самая законоориентированная форма недемократии, что вкупе с его культурно-цивилизационной направленностью может сыграть определенную роль в закреплении авторитаризма как достаточно стабильного политического режима.

Список литературы:

1. Аристотель. Сочинения в 4-х томах [Текст]. Том 4. – М.: Издательство «Мысль», 1983.
2. Бутенко А.П. Социологические вопросы истории и теории тоталитаризма [Электронный ресурс]. / XServer.ru Интернет библиотека онлайн. URL: <http://www.xserver.ru/user/svitt/> (дата обращения 07.12.2015).
3. Круассан А, Тъери П. Коррозия демократии, или Насколько устойчива демократия с изъянами? [Текст] / Международный общественный журнал «Свободная мысль», 2010, №07. – М., 2010.

4. Мухаев Р.Т. Политология [Текст]: учебник. – М.: Проспект, 2010.
5. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах [Текст]. Том 3. / Общ. ред. А.Ф. Лосева. – М.: Издательство «Мысль», 1994.
6. Ситников А. В ряду режимных демократий [Текст]. / Газета «Коммерсантъ», №16 (3347), 31.01.2006.
7. Теория политики [Текст]: Учебное пособие. // Под ред. Б.А. Исаева. – СПб.: Питер, 2008.
8. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века [Текст]. // Пер. с англ. – М., 2003.
9. Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика [Текст] (учебное пособие). – М.: Интерпракс, 1995.

6. Демократические принципы и политический режим в Кыргызстане: в поисках точки пересечения. // *Spoleczeństwo i Polityka. Pismo Edukacyjne*. Nr 4/2015. Pułtusk, Polska. 2015.

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности политического режима в Кыргызстане. Проанализированы точки зрения различных ученых по проблеме трактовки понятия «политический режим». Подчеркивается, что в Конституции Кыргызской Республики провозглашен курс страны на демократизацию общества. Далее выясняется, насколько общественно-политические процессы, происходящие в Кыргызстане, соответствуют основным принципам демократии. Основное внимание уделяется особенностям смены власти в республике и обеспечению системы сдержек и противовесов при разделении властей. Резюмируется, что в Кыргызстане за все время его суверенного развития только в 2011 году произошла конституционная передача власти, и Конституцией 2010 года предусмотрена система сдержек и противовесов.

Ключевые слова: Политический режим, демократический политический режим, авторитаризм, Кыргызстан, Конституция, изменения и дополнения в Конституцию, выборы, альтернативные выборы, Акаев, Бакиев, административные ресурсы, насильственная смена власти, разделение властей, система сдержек и противовесов, оппозиция, политический плюрализм.

Политический режим – понятие чрезвычайно дискуссионное. Например, согласно М. Дюверже, политический режим – это «совокупность политических институтов, действующих в данной стране в данный момент»; он уверен, что «в каком-то смысле политические режимы – это созвездия, звездами в которых являются политические институты»¹. В первую очередь, Дюверже под политическими институтами видит политические партии и институт выборов, поэтому в его работах политические режимы в большей степени обозначают партийные (одно-, дву- и многопартийные) и избирательные (пропорциональные и мажоритарные) режимы, т.е. он в качестве составляющих политического режима видит не только действующие властные структуры, но и политические партии и группы давления.

Другие исследователи под политическим режимом понимают более широкое понятие, отождествляя его с политической системой. В частности, американский политолог Э. Хейвуд пишет: «Политическая система, или режим выступает более широким понятием, охватывающим не только механизмы власти и институты государства, но также структуры и процессы, через которые государство взаимодействует с обществом»². В этой ипостаси политический режим предстает как совокупность всех отношений между политической властью и обществом, которая в теории систем передается через модель «вход-выход»: вход

¹ Дюверже М. Политические институты и конституционное право. // Политология: хрестоматия [Текст]. // Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000. – 335.

² Хейвуд Э. Политология [Текст]. – М., 2005. – С. 29.

– это любое воздействие общества на власть, и выход – это реакция власти на эти воздействия в виде политических решений и направлений проводимой ею политики. По Хейвуду, политический режим – это стабильное состояние политических отношений в стране, которое «сохраняется при всех и всяких сменах правительства». Правительство же, по его определению, динамично, поскольку сменяется часто, под действием различных факторов: выборов, смены династий, государственных переворотов и т.д.

Данной позиции противостоит еще одна точка зрения, которая, различая понятия «политический режим» и «политическая система», придает «режиму» более узкое значение, чем «системе». Например, по определению американских политологов Дж. Барнса, М. Картера и М. Скидмора: «Режим есть специфический период действия политической власти, осуществляемой в рамках политической системы»³.

Основная часть российских политологов также достаточно четко разграничивает категорию «политический режим» от категории «политическая система». Так, под политическим режимом в российской политологии понимаются *реальные формы и методы осуществления государственной власти, характерные для конкретного периода развития государства*, а под политической системой – *вся система отношений между политическими институтами, участвующими в процессе осуществления политической власти, и обществом в целом*. В этом понимании политический режим – это одна из характеристик политической системы, заключающаяся в определении наиболее типичных форм и методов реализации власти, используемых основными властными институтами в реальной политической жизни общества в течение конкретного временного отрезка.

Российские политологи выступают также против отождествления понятия «политический режим» с понятием «форма правления». Такая позиция, по их мнению, слишком сужает и ограничивает сущность политического режима, придавая ему статичность, формальность и легальность, что совершенно не отражает суть реального положения дел. Они справедливо полагают, что «форма правления» – понятие более узкого значения, чем «политический режим». Как замечает Р.Т. Мухаев: «Форму правления было бы точнее представить как один из компонентов политического режима»⁴, что в принципе верно, поскольку, если разобраться, *способ организации структуры и взаимоотношений всех органов государственной власти*, представляющий собой основной критерий разделения государства на различные формы правления, является одним из *методов и средств реализации власти государственными структурами*, совокупность которых и отражен в понятии «политический режим».

Таким образом, наиболее общее определение политического режима звучит так: *«Политический режим – это совокупность наиболее типичных методов функционирования основных институтов власти, используемых ими ресурсов и способов принуждения, которые оформляют и структурируют реальный процесс взаимодействия государства и общества»*⁵.

В рамках данного подхода выделяют три формы политического режима:

1. демократический политический режим;
2. авторитарный политический режим;
3. тоталитарный политический режим.

Если обратиться к недавней истории Кыргызстана, то два режима из выше перечисленных имели место быть в ней, т.е. во времена, когда Кыргызстан был в составе Советского Союза, он пережил эпоху тоталитаризма в период нахождения И.В. Сталина на посту Генерального секретаря КПСС и эпоху авторитаризма в последующие периоды. С обретением независимости в 1991 году Кыргызстан взял курс на демократизацию, который

³ Barnes J.F., Carter M., Skidmore M.J. The World of Politics. A Concise Introduction Seconded. N.Y., 1984. P. 204.

⁴ Мухаев Р.Т. Политология [Текст]. – М., 2010. – С. 167.

⁵ Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов [Текст]. – М.: Аспект Пресс, 2005. – С. 239.

был подтвержден и в первой Конституции суверенного Кыргызстана – Конституции от 5 мая 1993 г., поскольку статья 1 Конституции КР от 5 мая 1993 г. гласит: «Кыргызская Республика (Кыргызстан) – суверенная, унитарная, демократическая республика, построенная на началах правового, светского государства». Но так ли это, на самом ли деле Кыргызская Республика имеет демократический политический режим?

Как известно, одной из самых характерных черт демократического политического режима является *периодическая конкурентная смена высших органов государственной власти на основе выборов*. В советское время выборы высших органов государственной власти осуществлялись на основе всеобщего и прямого избирательного права, но без альтернативы.

Первые альтернативные выборы в истории Кыргызстана прошли 25 февраля 1990 года, когда были избраны депутаты в парламент – Верховный Совет Киргизской ССР двенадцатого созыва. Как отмечают исследователи: «Всего по республике на 350 депутатских мест было выдвинуто 1040 человек, из них 878 были зарегистрированы кандидатами в народные депутаты»⁶. По мнению экспертов, на этих выборах, «более свободных и честных, чем все последующие (в Киргизии – вплоть до выборов 2010 года)», «депутаты победили в реальной конкурентной борьбе»⁷.

Следом за этими выборами прошли другие альтернативные выборы – 27 октября 1990 года после учреждения президентского поста в качестве главы государства были проведены первые выборы президента страны. Эти выборы по сути были непрямыми, т.к. президента выбирал Верховный Совет Киргизской ССР. В них приняли участие три кандидата в президенты: первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической Партии республики, по совместительству председатель Верховного Совета Киргизской ССР А. Масалиев, председатель Совета министров А. Джумагулов и первый секретарь Иссык-кульского обкома партии Ж. Аманбаев⁸, но ни один из них в первом туре не смог получить больше половины голосов депутатов парламента.

В такой патовой ситуации предложение стать президентом было сделано прославленному кыргызскому писателю Чингизу Айтматову, который отказался от должности и вместо себя предложил академика А. Акаева. На следующий день – 27 октября 1990 года – из числа выдвинутых на пост президента двенадцати кандидатур (часть из них вскоре отказалась баллотироваться) и из числа принявших участие в выборах претендентов наибольшее количество голосов (179 голосов из 350) получил А. Акаев, претендент, занявший второе место, Н. Исанов получил 62 голоса.

Избрание А. Акаева, стоявшего на более либералистической позиции, чем его оппоненты, на пост президента было воспринято в стране как победа демократии, к тому же этот факт позволил Кыргызстану выделиться среди других среднеазиатских республик, в которых первыми президентами были избраны лица, находящиеся у руля власти и занимавшие должность первых секретарей компартии (Н. Назарбаев в Казахстане, И. Каримов в Узбекистане, С. Ниязов в Туркменистане и К. Махкамов в Таджикистане). Последующая внутривластная и внешнеполитическая деятельность президента А. Акаева (либерализация экономики, введение многопартийной системы, обеспечение относительной свободы слова, успешная многовекторная внешняя политика и т.д.) также значительно отличалась от деятельности других среднеазиатских лидеров, тем самым придав Кыргызстану в глазах мирового сообщества имидж «островка демократии».

В 1991 году после принятия Декларации о государственной независимости Кыргызской Республики с целью закрепления статуса президента назначаются еще одни

⁶ Адылов Б. Роль легендарного парламента в становлении суверенной Кыргызской Республики. Часть первая. URL: <http://easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/rol-legendarnogo-parlamenta-v-stanovlenii-suverennoi-kyrgyzskoi-respubliki-chas>

⁷ Фурман Д., Шерматова С. Киргизские циклы: как рушатся режимы [Текст]. – М.: Территория будущего, 2013. – С. 31.

⁸ Там же. – С. 13-14.

президентские выборы, на которых единственным безальтернативным кандидатом в президенты выступил А. Акаев. Следующие президентские выборы прошли в 1995 году досрочно (по Конституции должны были проходить каждые пять лет, т.е. в 1996 году), в результате которых А. Акаев был избран на второй срок. Альтернативность и конкурентность данных выборов вызывают определенного рода сомнения, поскольку ряд оппозиционных кандидатов Центральная избирательная комиссия (ЦИК) КР не допустила к выборам по различным предложениям.

Если следовать букве основного закона страны – Конституции – этот президентский срок А. Акаева должен был быть последним, но в 2000 году он снова выставил свою кандидатуру на пост президента, объяснив это тем, что он в первый раз избирался президентом в 1990 году, т.е. до обретения Кыргызстаном государственной независимости и принятия Конституции 1993 года. При этом он «забывает» о том, что в 1991 году он подтверждал свой статус на повторных выборах, и, тем более, что при перенесении выборов 1996 года на 1995 год объяснял перенос тем, что он первый раз избирался президентом в 1990 году, т.е. косвенно признавал свой первый президентский срок. Но, как бы то ни было, выборы 2000 года А. Акаев выиграл, как всегда, с абсолютным перевесом (74% против 13,85% и 6%).

В Кыргызстане на основе выборов, кроме президента, формируется также парламент. Во время правления А. Акаева выборы в парламент страны – Жогорку Кенеш – проводились три раза (в 1995, 2000 и 2005 гг.). Предыдущий созыв парламента республики – Верховный Совет, избранный еще в советской Киргизии и оставшийся в истории под названием «легендарный парламент», прослужил главным ограничителем власти президента, поэтому в сентябре 1994 года А. Акаев распустил его и в октябре провел референдум, на который вынес два вопроса – о закреплении права народа вносить изменения и дополнения в Конституцию и о создании двухпалатного парламента (Законодательного собрания из 35 человек и Собрания народных представителей из 70 человек).

По новым правилам выборы в парламент, Жогорку Кенеш КР, прошли в феврале 1995 года, на которых депутаты избирались на мажоритарной основе. Но мажоритарная избирательная система по каким-то параметрам не устраивала А. Акаева, и он снова в октябре 1998 года инициировал проведение очередного референдума, по итогам которого была установлена смешанная мажоритарно-пропорциональная избирательная система, согласно которой 15 депутатов Законодательного Собрания ЖК (верхней палаты парламента) были избраны по партийным спискам. Выборы второго созыва ЖК, прошедшие в феврале 2000 года, ознаменовались многочисленными нарушениями, скандалами и народными волнениями.

Но по числу нарушений и масштабу административного вмешательства в ход выборов своеобразный рекорд поставили выборы третьего созыва Жогорку Кенеша, прошедшие в феврале-марте 2005 года. В ходе предвыборного процесса и во время выборов руководство страны допустило грубейшие стратегические ошибки, в частности, отстранило от участия на выборах неудобных кандидатов, в полной мере использовался административный ресурс, результатом чего стало преимущественное избрание в парламент сторонников президента А. Акаева (по некоторым данным, 71 место из общих 75 мест⁹). Кульминацией этих событий стали штурм и взятие Дома правительства оппозиционными силами 24 марта 2005 года, приведшие к смене власти и изгнанию А. Акаева из страны.

Таким образом, в Кыргызстане в период правления А. Акаева (1990-2005 гг.) один из основных принципов демократического режима – периодическая конкурентная смена высших органов государственной власти на основе выборов – не соблюдался: А. Акаев правил страной в течение 15 лет; к 2005 году Акаев, хоть и утверждал, что больше

⁹ Вечерний Бишкек, 1 апреля 2005 г. (данные британской газеты The Guardian).

баллотироваться в президенты не будет, но с его стороны делалось все, чтобы удержать власть – была создана партия власти «Алга Кыргызстан», по итогам выборов 2005 года в Жогорку Кенеш прошли сын и дочь Акаева, Айдар и Бермет и т.д.

После А. Акаева к власти пришел К. Бакиев, который сначала исполнял обязанности премьер-министра и и.о. президента, и затем на внеочередных президентских выборах, прошедших в июле 2005 года, на почти безальтернативной основе¹⁰ стал президентом. Через четыре года на президентских выборах К. Бакиев был избран на второй срок, и на этот раз наиболее сильные его соперники отказались от участия в выборах в знак протеста против массовых нарушений, допущенных в ходе избирательной кампании. Подобная относительная безальтернативность выборов и легкая победа на них оказали на К. Бакиева негативное влияние, развращая его и побуждая сохранить власть любым путем, сделав ее пожизненной либо наследственной. И уже в 2010 году он предложил поправки в Конституцию, согласно которым был бы создан новый орган – президентское совещание, которое должно было определить преемника президента. Но до принятия этих поправок дело не дошло – 7 апреля 2010 года в стране произошла очередная революция, результатом которой стал побег К. Бакиева из страны.

Пришедшее на смену К. Бакиева революционное руководство создало Временное правительство, во главе которого стала единственная среди революционных лидеров женщина – Роза Отунбаева. 27 июня 2010 года в стране прошел общенародный референдум, на котором решались два вопроса: принятие новой Конституции, значительно урезавшей полномочия президента, и избрание Р. Отунбаевой Президентом переходного периода до конца 2011 года без права участия на последующих выборах.

В октябре 2010 года в стране прошли выборы в Жогорку Кенеш, «самые свободные и честные в киргизской постсоветской истории», как отмечают исследователи¹¹. Эти выборы от прежних, в первую очередь, отличало полное отсутствие применения административных ресурсов. Выборы были проведены по партийным спискам, и в них приняли участие 29 политических партий, из которых пять партий прошли в парламент.

В октябре 2011 года за два месяца до окончания срока президентства Р. Отунбаевой были проведены выборы президента страны, на которых приняли участие всего 16 кандидатов. На этих выборах побеждает А. Атамбаев с 62,52% голосов от общего числа избирателей. Ближайшие его соперники набрали 14,78% и 14,32%.

Таким образом, за весь период суверенного развития Кыргызстана в нем смена власти по большей части происходила недемократическим путем: А. Акаев, помимо того, что вопреки конституционным положениям правил три срока подряд, постоянно вмешивался в ход выборов как президента, так и парламента, используя административные ресурсы, не допуская наиболее сильных соперников до выборов различными путями, вплоть до заведения уголовного дела, меняя конституцию и т.д. Следующий президент К. Бакиев также в полной мере использовал административные ресурсы во время выборов, подтасовывал их результаты и изыскивал возможности остаться у власти на более долгие сроки. В итоге два раза (2005 г. и 2010 г.) смена власти в стране произошла не в результате легитимной и конституционной передачи власти при помощи свободных и прозрачных демократических выборов, а силовым методом в результате антиконституционных переворотов.

И только, начиная с 2011 года, смена высших органов государственной власти в республике начала происходить по «букве закона»: были проведены честные прозрачные парламентские выборы, приведшие к победе оппозиционной партии, и была осуществлена первая в истории независимого Кыргызстана мирная конституционная передача власти на

¹⁰ Самый сильный соперник К. Бакиева Ф. Кулов перед выборами снимает свою кандидатуру в пользу Бакиева, заключает с ним соглашение о тандеме, что в случае победы К. Бакиева последний назначит его премьер-министром (так называемый «Тандем Бакиев – Кулов»).

¹¹ Фурман Д., Шерматова С. Киргизские циклы: как рушатся режимы [Текст]. – М.: Территория будущего, 2013. – С. 166.

президентских выборах. Это, думается, только начало пути, которое еще не позволяет делать какие-то фундаментальные выводы и строить далеко идущие планы; необходимо, чтобы прошли хотя бы еще несколько конституционных передач власти, для того, чтобы можно было говорить об укоренении демократических традиций по конкурентной периодической смене власти.

Еще один основополагающий принцип демократического режима – *принцип разделения властей с обеспечением системы сдержек и противовесов* – в Кыргызстане закреплялся конституциональным путем, но Президент А. Акаев за годы своего правления изменял Конституцию страны по своему разумению несколько раз. Как было выше обозначено, первая Конституция Кыргызстана была принята 5 мая 1993 года. На референдуме октября 1994 года, инициированном А. Акаевым, закрепляется право народа вносить изменения и дополнения в Конституцию, тем самым Акаев узаконил возможность по своему усмотрению менять конституционные положения. В дальнейшем новые изменения и дополнения в Конституцию КР принимались на основании следующих законов, принятых на всеобщих референдумах:

«О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики» от 16 февраля 1996 года №1;

«О внесении изменений и дополнений в Конституцию Кыргызской Республики» от 21 октября 1998 года №134;

«О внесении изменений в статью 5 Конституции Кыргызской Республики» от 24 декабря 2001 года №112;

«О новой редакции Конституции КР» от 18 февраля 2003 года №40.

На основе этих законов А. Акаев существенно расширял свои полномочия, в частности, как он сам написал по итогам референдума от 10 февраля 1996 года: «...результаты которого [референдума] позволили Президенту обрести все необходимые полномочия и четко определить полномочия каждой ветви власти»¹². Акаев считал и безоговорочно верил в то, что «Без сильной государственной власти сверху донизу обществу может грозить анархия безвластия, способная не только подорвать демократические завоевания, но и повернуть процесс демократизации вспять»¹³. В дальнейшем К. Бакиев также изменял конституцию по своему усмотрению, отдав всю полноту власти президенту и превратив Жогорку Кенеш в «ручной» парламент.

Исходя из этого можно заключить, что принцип разделения властей в Кыргызстане был реализован в самых общих своих проявлениях, таких, как разделение на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти, разграничение их полномочий, но об адекватном распределении и сбалансировании властных полномочий между различными государственными органами речь не может идти, поскольку неоднократные переделки Конституции и ее перекраивания в пользу усиления полномочий президента, т.е. установления авторитарного правления, вели к произволу власти без всяких «сдержек и противовесов». И только Конституция 2010 года, установившая в республике парламентскую республику (по мнению ряда ученых и политиков, парламентско-президентскую республику) предусмотрела систему сдержек и противовесов, таких, как президентское вето на законы, возможность роспуска парламента со стороны Президента, возможность объявления импичмента президенту со стороны парламента, невозможность партийного большинства в парламенте, подотчетность правительства парламенту и т.д.

Демократический политический режим, помимо рассмотренных выше двух принципов, обладает рядом других, характерных для него признаков, среди которых: наличие реальных политических и социальных прав и свобод граждан; наличие плюрализма мнений и идеологий, что предопределяет наличие политической оппозиции, преимущественно системного типа; гарантия защиты граждан от государственного

¹² Акаев А. История, прошедшая через мое сердце [Текст]. – Москва-Бишкек: ИПЦ «Дизайн. Информация. картография», Илим, 2003. – С. 234.

¹³ Акаев А. Памятное десятилетие [Текст]. – Бишкек, 2000. – С. 485.

произвола, т.е. господство закона и т.д.

Все эти признаки (принципы), присущие демократии, закреплены в Конституции Кыргызской Республики, но их отражение в социально-политических реалиях страны существенно отличается от задекларированных. Так, хотя в Конституции КР закреплено положение о признании в республике политического многообразия, оппозиция в стране подвергалась всякого рода гонениям и политическим преследованиям, вплоть до инкриминирования преступлений (например, Ф. Кулову) и физического уничтожения (смерть М. Садыркулова). Свобода слова в стране (причем, относительно развитая по сравнению с соседними государствами) время от времени также подвергалась и подвергается гонениям и зажиму. Предпринимались попытки и по ограничению политических свобод граждан, в частности, по запрету митингов.

Тем не менее, страна продолжает развиваться по пути выхода из авторитарной системы правления и вступления на путь демократизации. Как утверждают исследователи, «...после апрельской революции, в Киргизии осуществляется очень серьезная и целенаправленная попытка выйти из этого цикла¹⁴»¹⁵, и «Главные объективно стоящие перед Киргизией на пути к демократии задачи – это ... перевод киргизского вольнолюбия в правовое демократическое русло, то есть, превращение цикла революций, хаоса, авторитаризма и новых революций в цикл выборов и демократической ротации власти»¹⁶. Мы поддерживаем это мнение, поскольку только уважение законов (Конституции, в первую очередь) и абсолютное следование им может поднять Кыргызскую Республику на новый, демократический, уровень.

Литература:

1. Barnes J.F., Carter M., Skidmore M.J. The World of Politics. A Concise Introduction Seconded. N.Y., 1984.
2. Адылов Б. Роль легендарного парламента в становлении суверенной Кыргызской Республики. Часть первая. URL: <http://easttime.ru/analytics/kyrgyzstan/rol-legendarnogo-parlamenta-v-stanovlenii-suverennoi-kyrgyzskoi-respubliki-chas>
3. Акаев А. История, прошедшая через мое сердце [Текст]. – Москва-Бишкек: ИПЦ «Дизайн. Информация. картография», Илим, 2003.
4. Акаев А. Памятное десятилетие [Текст]. – Бишкек, 2000.
5. Вечерний Бишкек, 1 апреля 2005 г. (данные британской газеты The Guardian).
6. Дюверже М. Политические институты и конституционное право. // Политология: хрестоматия [Текст]. // Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. – М.: Гардарики, 2000.
7. Мухаев Р.Т. Политология [Текст]. – М., 2010.
8. Соловьев А.И. Политология: политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов [Текст]. – М.: Аспект Пресс, 2005.
9. Фурман Д., Шерматова С. Киргизские циклы: как рушатся режимы [Текст]. – М.: Территория будущего, 2013.
10. Хейвуд Э. Политология [Текст]. – М., 2005.

7. Демократизация незападного мира: состояние и проблемы. // International Scientific Review of the Problems and Prospects of Modern Science and Education // International Scientific Review № 2 (12) / X International Science Conference

¹⁴ Под циклом данные авторы понимают «циклы слабых и неустойчивых квазидемократий, сменяемых тоже слабыми и неустойчивыми авторитарными правлениями, конец которым кладут революции, начинающие новый цикл».

¹⁵ Фурман Д., Шерматова С. Киргизские циклы: как рушатся режимы [Текст]. – М.: Территория будущего, 2013. – С. 153.

¹⁶ Там же. – С. 174-175.

(Boston. USA, 7-8 February, 2016).

Аннотация. В статье рассматриваются современные процессы демократизации незападного мира. Подчеркивается, что между Западом и Востоком имеются неискоренимые культурные и религиозные различия, которые порождают серьезные противоречия между двумя цивилизациями.

Abstract: The article discusses the modern processes of democratization of the non-Western world. It is emphasized that there are ineradicable cultural and religious differences between East and West that cause serious conflict between the two civilizations.

Ключевые слова: Восток, Запад, демократизация, демократические ценности, волны демократизации, культура, религия.

Keywords: East, West, democratization, democratic values, waves of democratization, culture, religion.

То многообразие государственных форм, которое берет свое начало со времен античности, значительно уменьшилось к сегодняшнему дню вследствие естественно протекающих модернизационных процессов в человеческом обществе, приведших к утверждению и популяризации либерально-демократических норм и ценностей, явно претендующих на общемировую гегемонию. В связи с этим многие исследователи отмечают уникальность древнего мира, который характеризовался наличием столь многообразных типов социальных организаций, что «по сравнению с ними все современные государства, западные и восточные, принадлежат к одному «макроклассу»» [8]. Этот феномен объясняется особенностью развития примитивных обществ и культур, которые, находясь в изоляции друг от друга и не имея возможности тесно общаться с другими, резко отличающимися от них, культурами, в течение довольно продолжительного времени сохраняли свою самобытность и уникальность. Но по мере вступления этих обществ и культур в новые этапы цивилизации самобытность, присущая тем или иным из них, сглаживалась и размывалась, и с течением времени она была вытеснена в разряд несовременных характеристик общества, т.е. стала уподобляться «отсталости», «застойности», «косности» и другим подобным явлениям.

В эпоху индустриализации мир, подвергаясь активной, местами даже агрессивной, либерализации и универсализации, все более и более обезличивался и упрощался. Впоследствии торжество либерализма, таким образом сводив почти на нет разнообразие культур Запада, обратило свои взоры на Восток, уникальный, все еще сохраняющий свое культурное многообразие, мир. Этот процесс, названный «демократизацией» незападного мира, получил наибольшее развитие после окончания «холодной войны», породившего эйфорию в умах, которую предельно точно выразил в своем произведении «Конец истории?» американский ученый Ф. Фукуяма, утверждая, что «Триумф Запада, западной идеи очевиден, прежде всего, потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив» [5, с.290].

Здесь необходимо особо выделить, что в общемировом масштабе следует говорить не о противостоянии Запада (т.е. государств Западной Европы с их бывшими колониями и Северной Америки) с Востоком, а Запада с Не-западом, поскольку Восток в геополитическом отношении обозначает совокупность государств, находящихся на восточном полушарии, если сказать точнее, на северо-восточной четверти Земли, т.е. преимущественно на Азиатском континенте, и тогда остальная часть незападного мира, например, части Латинской Америки и Африки, не подпадает под определение Востока, т.е. в данном случае понятие «Не-запад» отнюдь не тождественно понятию «Восток», оно намного шире по объему и разнообразнее по содержанию. Поэтому, когда речь идет о геополитических взаимоотношениях государств, целесообразнее говорить о «Не-западе», нежели о «Востоке».

Процесс демократизации Не-запада происходил и происходит поэтапно, с отмечающимися в определенный промежуток времени всплесками увеличения количества переходов от недемократии к демократии. Для описания этого процесса американский ученый С. Хантингтон ввел в политическую терминологию понятие «волна демократизации», которое он определяет как группу «переходов от недемократических режимов к демократическим, происходящих в определенный период времени, количество которых значительно превышает количество переходов в противоположном направлении в данный период» [6, с.26]. Каждая волна демократизации через определенное время переживает своего рода откат, во время которого часть государств из данной волны возвращается снова к недемократическому режиму (всего Хантингтон выделяет три волны демократизации).

Объясняя причины волн демократизации, Хантингтон приходит к выводу, что демократизация в каждой стране наступает в результате комбинации различных причин, среди которых как внутренние проблемы государства (например, проблема легитимности и функциональности авторитарной власти, экономический кризис в авторитарном государстве или, наоборот, его экономическое развитие), так и внешнее воздействие ведущих держав, выраженное не только в поощрении процесса демократизации со стороны европейских государств и США, но и в ослаблении влияния на государства Восточной Европы со стороны Советского Союза.

В своем труде Хантингтон оставляет открытым вопрос о конце третьей волны демократизации и о масштабах ее отката. Другие эксперты, составители Индекса трансформации Бертельсмана, на основе своих исследований, проведенных в 2007-начале 2009 гг., приходят к выводу, что третья волна демократизации, пережив свой пик в середине 1990-х годов, затем пошла на убыль, и уже, где-то приблизительно с 2008 года, переживает если не откат, то, по крайней мере, «стагнацию демократических стандартов» [3, с.76], вследствие чего заключают, что «в настоящее время (т.е. к 2009 г. – К.С.) эпоха демократизации закончилась» [7, с.23].

Однако события 2011 года, взорвавшие Ближний Восток и Северную Африку, и вошедшие в историю под названием «арабская весна», существенно оживили ожидания политических аналитиков по дальнейшей демократизации не-западного мира. Но результаты этих событий, как усиление авторитаризма в некоторых странах региона, направленное на подавление протестов против власти, усиление позиции исламистов (исламистская террористическая организация ИГ), распространение протестных настроений и за пределы арабского мира, развертывание гражданских войн, ухудшение положения населения в результате вооруженных столкновений, разрушение экономики и культуры ряда стран, массовый исход беженцев в европейские страны и т.д., обнажили всю негативную суть характерного для последних десятилетий силового распространения демократических ценностей и идеалов. Стало очевидно, что народам исламского мира чужды западные ценности и нормы, провозглашаемые ныне общечеловеческими, и их силовое насаждение может вызывать только ответные меры также насильственного характера.

В связи с этим сегодня как никогда явственно обнаруживаются непреходяще дихотомические противоречия между культурой Запада и Не-запада (в особенности Востока), которые свидетельствуют о трудноискоренимости культурных различий между народами, о наличии между разными культурами такого непреодолимого барьера, как религия и религиозные ценности, и о вековечности таких понятий, как этнические традиции, нормы, самосознание и самоидентификация.

Подчеркивая еще раз, что между различными цивилизациями изначально существует фундаментальное и неснимаемое никакими глобализационными и интеграционными процессами противоречие, выраженное в культурных различиях, что разным цивилизациям присущи разные системы ценностей, разное мировоззрение, миропонимание и мироотношение, можно прийти к выводу, что противостояние Запад-

Восток (в какой-то мере и Запад – Не-запад) не может со временем исчезнуть в небытие. Здесь уместно вспомнить о пресловутом «конflikте цивилизаций», исходящем не только из культурных различий, но и из вероисповедного барьера, ведь каждая религия исторически имеет собственную отработанную веками систему божественных верований, мировоззренческих правил и нравственных предписаний.

Поэтому религиозный фактор еще долгое время (если не всегда!) может остаться элементом, вносящим некоторую напряженность во взаимоотношения между различными цивилизациями, ведь одной из основных причин усиления исламского радикализма как источника террористической угрозы мировой безопасности явилось именно убеждение исламистов в том, что ислам как религия стоит перед огромной опасностью – опасностью полного исчезновения под натиском западных ценностей и обольщения истинных мусульман светским («неверным») образом жизни. Исламский мир, видя в процессе демократизации не столько достоинства модернизации, сколько опасность вестернизации, активно ему сопротивляется, что порождает определенного рода депрессивные настроения и сомнения в среде западников, жаждущих мирового триумфа западной либеральной демократии. В частности, по мнению израильского ученого Азара Гата, «...почти полное господство либеральной демократии, утвердившееся после краха Советского Союза, продлится недолго и ... до всеобщего «демократического мира» еще далеко». [1] Но более здравомыслящие настроенные ученые предостерегают, что «Вестернизировать мир, сделать его однополярным – то же самое, что и сделать наш мозг однополушарным, лишенным его правой, образно-интуитивной структуры» [4, с.19]. Это звучит чрезвычайно созвучно с мнением Г. Гегеля, который утверждал, что «Восток и Запад присущи каждой вещи» [2, с.554].

Список литературы:

1. Гат А. Возвращение великих авторитарных держав [Электронный ресурс]. // Журнал «Россия в глобальной политике». № 4, Июль – Август 2007. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_9213 (дата обращения 2 февраля 2016 г.)
2. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В двух томах. Т. 2. // Сост., общая ред. А.В. Гулыги. М.: Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1971. 630 с.
3. Круассан А., Тьери П. Коррозия демократии, или Насколько устойчива демократия с изъянами? // Международный общественный журнал // «Свободная мысль». 2010. № 7 (1614). С. 75-100.
4. Философия истории: Учебное пособие. // Под ред. проф. А.С. Панарина. М.: Гардарики, 1999. 432 с.
5. Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. Антология. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 290-310.
6. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. Пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с.
7. Хилленбранд О. Общие выводы. // Международный общественный журнал «Свободная мысль». 2010. № 7 (1614). 21-48 с.
8. Штокало М. Сравнение контрастных стран [Электронный ресурс]. URL: http://samlib.ru/s/shtokalo_m/glava17.shtml (дата обращения 2 февраля 2016 г.)

8. К вопросу о классификациях форм государства. // Журнал «Альманах современной науки и образования», №2 (104), 2016, Тамбов: Грамота, 2016.

В статье рассматривается проблема классификации форм государства, в частности, форм правления и форм политического режима. Подчеркивается мысль, что современное многообразие форм государства требует разработки новых классификационных систем. Устанавливается несоответствие распространенной в данное время классификации формы правления политическим реалиям современности, и утверждается, что при создании новых

классификационных систем основной формой государства должна быть признана форма политического режима.

Ключевые слова и фразы: форма государства, классификация форм государства, форма правления, монархия, республика, форма политического режима.

Форма государства на сегодня включает в себя три традиционных элемента: форму правления, форму государственного устройства и форму политического режима. Из этих элементов форма государственного устройства менее других подвергается различного рода дискуссиям, поскольку разделение государств на федерации и унитарные государства имеет своей основой прочный, устойчивый и статичный критерий, базирующийся на легко определяемой территориальной структуре государства, и потому типология государств по этому критерию практически не подвергается никаким изменениям. Другие же элементы (форма правления и форма политического режима), вызывая множество споров ввиду многоаспектности лежащих в их основе критериев, имеют множество классификаций, которые в тот или иной временной отрезок перестают отвечать имеющимся реалиям, в связи с чем появляется необходимость разработки новых классификаций.

Эта необходимость связана с тем, что каждое государство по своей природе уникально, и на его специфику и внутреннее содержание самое серьезное влияние оказывают культурно-этнические, цивилизационные, географические и иные особенности развития составляющего его народа (достаточно сравнить государства Запада и Востока). С развитием государства развивается и изменяется и его внутреннее содержание, следовательно, меняется и форма. Именно этим фактором объясняется многообразие и изменчивость форм государства, что, в конечном счете, и определяет невозможность любой попытки создать единую, общепризнанную, законченную и всеобъемлющую классификационную систему форм правления и форм политического режима.

Но вместе с тем, исследователи, как западные, так и российские, продолжают предпринимать попытки по усовершенствованию действующей классификационной системы, хотя эта задача отнюдь не из легких, поскольку, как особо подчеркивает Э. Хейвуд: «Сами политические системы сегодня изменяются столь быстро, что классифицировать их в высшей степени сложно: это вечная гонка за постоянно изменяющейся политической реальностью» [5,38].

В российском государствоведении также идут дискуссии о целесообразности выработки альтернативной классификации, в частности, можно вспомнить попытки по созданию новых классификаций форм государства таких ученых, как В. Иванов [1;2], М. Кульков [3] и др. Правда, со стороны М. Кулькова была предпринята попытка создания комплексной типологии форм государства, совмещающей все три элемента – форму правления, форму государственного устройства и форму политического режима. На наш взгляд, это несколько неверный подход, ибо форма государственного устройства является, как бы то ни было, чисто территориальной характеристикой государства, и включать их в политико-правовые, юридические характеристики государства не стоило. Понятно, что в данном случае такой подход позволил автору решить поставленную перед собой задачу, но категории «унитарное государство» и «федерация» представляют собой ясные, совершенно прозрачные и бесспорные понятия, и их усложнение путем придания им некоего политического статуса, на наш взгляд, добавит больше проблем в решение вопросов по созданию оптимальной и жизнеспособной классификации форм государства.

В. Иванов, в отличие от М. Кулькова, рассматривает только формы правления и формы политического режима, при этом выделяет девять разновидностей формы правления, и, утверждая, что всякий политический режим олигархичен, разделяет его по разным критериям на шесть разных форм. В целом, В. Иванов, затрагивая тему пересмотра существующих классификаций, не претендует на статус последней инстанции в данном вопросе, ссылаясь на необходимость коллективного создания новых подробных классификаций как форм правления, так и форм политического режима.

Мы, соглашаясь с точкой зрения В. Иванова в том, что разделение государств на монархии и республики не отражает всего многообразия формы государства, со своей стороны предлагаем это многообразие отображать только через политические режимы, поскольку именно политический режим является главнейшей наиболее точно и объективно характеризующей суть данного государства формой государства.

Аргументируя данное положение, отметим, что различие государств по форме правления на сегодняшний день совершенно не актуально, потому что форма правления не в полной мере передает содержания того или иного государства, поскольку современный мир динамичен и изменчив, а формы правления более статичны. Статичность формы правления исходит из ее природы, лежащей в плоскости структурно-организационного оформления деятельности государства [7,189-190], т.е. все ее основные признаки – характеристика высших органов власти (число правителей, способ их формирования, сроки правления), структура органов высшей власти, иерархическая структура отношений власти, взаимоотношения органов власти с населением – характеризуют различные особенности законодательно утвержденной (конституционно закрепленной) структуры и организации высшей власти государства, и потому они в течение определенного отрезка времени не подвергаются изменениям под воздействием внешних факторов. Даже последний признак, касающийся взаимоотношений органов власти с населением, казалось бы, призванный отразить функциональный, деятельностный аспект органов высшей власти, не слишком выбивается из общего ряда, поскольку всего лишь показывает, каким образом организована связь высших органов власти с населением (наличие/отсутствие выборов, участие/неучастие населения в принятии законов, политических решений, возможность/невозможность представительства в госорганах и т.д.).

Тем более, действующая на сегодня классификация формы правления не передает всех нюансов современного государственного властепользования, поскольку имеется значительное количество государств, которые никоим образом не могут быть «подогнаны» под общую классификацию, что наглядно показывает В. Иванов в своих трудах.

Соглашаясь с ним, хотелось бы обратить внимание еще на одну проблему, имеющуюся в этой сфере. Дело в том, что, все эти разновидности монархии и республики – это по большей части наносное, частью искусственно созданное, частью просто несущественное наслоение, искажающее и усложняющее саму суть данных форм правления.

Например, если рассмотреть монархию, то из трех выделяемых ее разновидностей на сегодня фактически имеется только одна – парламентарная, поскольку абсолютной и дуалистической монархий в «чистом» виде уже не существует. Мало того, в последние десятилетия подвергается серьезному сомнению наличие вообще любых разновидностей монархии, кроме классической. В частности, британский историк Н. Хеншелл утверждает, что абсолютизма как такового в XVIII веке не существовало, поскольку: «Во-первых, любое полномочие монарха действовало не единообразно на всех подчиненных ему территориях, а варьировалось согласно местным законам и обычаям. Во-вторых, правление осуществлялось министрами, не обязательно имевшими одинаковые взгляды на конституцию» [6,227], вследствие чего приходит к выводу, что: «если в каждом напоминании о границах прерогатив, которое делали государю его подданные, мы будем усматривать проявление «абсолютизма», тогда «абсолютистскими» окажется подавляющее большинство монархов».

В рамках республиканской формы правления также наблюдается определенного рода кризис, выраженный в том, что имеется тенденция увеличения разнообразных гибридных (полупрезидентских, полупарламентских) форм республики, которые трудноотносимы ко всем известным разновидностям республики, что побуждает исследователей придумывать другие еще более гибридные формы (парламентско-правительственные, президентско-правительственные, премьер-парламентские и т.п.).

В силу всего этого, следует признать, что сегодня разделение государств на формы

правления почти изжило себя, потому что в современном мире основным признаком, по которому различаются монархии и республики, является только наличие/отсутствие монарха, даже принцип разделения властей, который всегда считался основным отличительным признаком республики, на сегодня присущ (зачастую номинально) почти всем государствам мира, даже самым абсолютистским из них. Но, на наш взгляд, от форм правления полностью отказываться не стоит – достаточно лишь признать, что существуют две (формальные) формы правления, различаемые по структуре высших органов государственной власти: монархии и республики, при этом монархиями следует считать такие государства, в высших органах которых наличествуют монархи (король, император, эмир, султан, князь, герцог, папа римский, рахбар и т.д.), становящиеся ими по праву рождения или по религиозному сану; остальные государства, которые не имеют монархов, следует признать республиками.

Что касается политического режима, то именно эта категория применяется для характеристики функционального аспекта деятельности высших органов власти, поскольку представляет собой фактическое использование совокупности различных способов и методов для осуществления государственной власти. Отграничить его от других форм государства можно, в первую очередь, тем, что он представляет собой явление не статичное, а динамичное, т.е. установление той или иной формы политического режима напрямую зависит от совокупности различных объективных и субъективных факторов, наличествующих на тот момент в данном обществе. В число объективных факторов входят исторические, культурно-цивилизационные, политико-правовые, этно-конфессиональные и социально-психологические особенности развития общества. Субъективные факторы представлены характером властных отношений в обществе на момент установления данной формы политического режима, включая и политические взгляды руководства страны, и личные качества политических лидеров.

Таким образом, можно заключить, что все изменения, происходящие в государственном строе, есть проявления политического режима, следовательно, именно политический режим является главнейшей, наиболее точно и объективно характеризующей суть конкретного государства, формой государства.

Поэтому, на наш взгляд, на сегодня актуален тот факт, что все имеющееся в наличии многообразие форм государства необходимо выразить через политические режимы, которые столь рельефно и выпукло отражают любые движения и изменения в мире. А формы правления, в данном случае, как верно отметил Р. Т. Мухаев, необходимо представить только как «один из компонентов политического режима» [4,167].

Список литературы:

1. Иванов В. Теория государства. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
 2. Иванов В. Формы правления и политического режима: В поисках нового содержания. // Логос. 2008. №6. С. 121-155.
 3. Кульков М. О. Теоретические проблемы типологии форм государства: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Саратов, 2008. 34 с.
 4. Мухаев Р. Т. Политология: Учебник. М.: Проспект, 2010. 640 с.
 5. Хейвуд Э. Политология: Учебник для студентов вузов. / Пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова и В. Ю. Бельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.
 6. Хеншелл Н. Миф абсолютизма: Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. / Пер. с англ. А. А. Паламарчук при участии Л. Л. Царук, Ю. А. Махалова; отв. ред. С. Е. Федоров. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
- Чиркин В. Е. Государствоведение: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юристъ, 2000. 384 с.

9. Политический режим: особенности трактовки и проблемы классификации.
// Журнал «Альманах современной науки и образования», №2 (104), 2016,
Тамбов: Грамота, 2016.

В статье рассматривается одна из основных политологических категорий – политический режим. Анализируется суть различных теоретических подходов к трактовке данного понятия. Изучается проблема классификации формы политического режима, при этом обосновывается необходимость создания новой классификационной системы, основанной на различиях политических режимов по их культурно-цивилизационной принадлежности.

Ключевые слова и фразы: политический режим; форма политического режима; классификация формы политического режима; авторитаризм; тоталитаризм; автократия.

Понятие «политический режим» в политологии трактуется неоднозначно; если быть точнее, существуют два основных подхода к трактовке данной категории – конституционно-правовой (юридический, политико-правовой и т.д.) и социологический.

Суть конституционно-правового подхода заключается в том, что при нем в основе выделения разных форм политического режима лежат особенности устройства государственной власти, которые закреплены в различных законодательных актах государства, в первую очередь, в его Конституции, т.е. в этом случае понятие «политический режим» более схоже с понятием «форма правления». Этот подход был характерен для французской политической мысли и продержался до второй половины XX века.

Социологический подход рассматривает политический режим более широко, с точки зрения всех социальных общностей, а не только ветвей власти. Согласно этому подходу, на особенности той или иной формы политического режима влияют не только имеющие властные полномочия организационные структуры, но и любые социальные основания функционирования власти, такие как социокультурные традиции, отношения между правящей элитой и оппозицией, личностные качества политических лидеров и представителей элиты, национальные особенности принятия политических решений и т.д. Начало этому подходу было положено М. Дюверже, который считал, что политический режим – это «совокупность политических институтов, действующих в данной стране в данный момент» [3, с. 335].

В рамках этого подхода имеется ряд различных позиций. В частности, французский ученый Ж.-Л. Кермонн утверждает: «Под политическим режимом понимается совокупность элементов идеологического, институционального и социологического порядка, способствующих формированию политической власти данной страны на определенный период» [Цит. из 4, с. 165]. Такой же позиции придерживается ряд российских исследователей. Советско-российские ученые Ф. Бурлацкий и А. Галкин считают, что специфика режимов лежит в области социальной природы политической власти, поскольку зависит от множества факторов: «какие группировки господствующего класса находятся у руководства государством; каким методам господства и управления отдается предпочтение...; какие партии или партийные коалиции выступают в качестве руководящей силы; допускается ли и в каких пределах деятельность институтов социальной борьбы и давления, в частности оппозиционных, революционных партий, профсоюзов и других форм объединений трудящихся; каково положение личности в государстве и т.п.» [1, с. 35-36].

Приверженцы системного подхода в политической науке термин «политический режим» зачастую отождествляют с понятием «политическая система». В частности, американский политолог Э. Хейвуд пишет: «Политическая система, или режим, выступает более широким понятием, охватывающим не только механизмы власти и институты

государства, но также структуры и процессы, через которые государство взаимодействует с обществом» [7, с. 29]. В этой ипостаси политический режим предстает как совокупность всех отношений между политической властью и обществом.

Данной позиции противостоит еще одна точка зрения, которая, различая понятия «политический режим» и «политическая система», придает «режиму» более узкое значение, чем «системе». Например, по определению американских политологов Дж. Барнса, М. Картера и М. Скидмора: «Режим есть специфический период действия политической власти, осуществляемой в рамках политической системы» [9, р. 204]. Основная часть российских политологов также достаточно четко разграничивает категорию «политический режим» от категории «политическая система». Так, по мнению А. Соловьева, политический режим, будучи «важнейшей характеристикой политической системы», представляет собой «более подвижное и динамичное явление, чем система власти» [5, с. 239-240]. А. П. Цыганков же, соглашаясь с подобными мнениями и утверждая, что политический режим – «это своего рода жизнь, “дыхание” политической системы, ее упорядоченная динамика», все же приходит к мнению, что он (режим) «весьма близок к политической системе содержательно..., что в целом ряде случаев позволяет рассматривать данные понятия как взаимозаменяемые» [8, с. 18].

Как бы то ни было, под политическим режимом следует понимать характерный для определенного периода развития конкретного общества политический климат, который сформировался в результате совокупности различных, присущих только данному обществу, условий и факторов и который к тому же является подвижной, динамичной системой по осуществлению различных аспектов властной деятельности государства.

На наш взгляд, на сегодня именно политический режим является главнейшей, наиболее точно и объективно характеризующей суть конкретного государства формой государства. Политические режимы настолько рельефно и выпукло отражают любые движения и изменения в мире, что разделение мира на демократический и недемократический стало сегодня трендом глобального масштаба.

Поэтому, с нашей точки зрения, на сегодня актуален тот факт, что все имеющееся в наличии многообразие форм государства необходимо выразить только через политические режимы, при этом нужно признать, что ныне действующая классификация политических режимов, состоящая из демократического, авторитарного и тоталитарного режимов, подлежит пересмотру, и при создании новой классификации необходимо отойти от широкого использования таких терминов как «тоталитаризм» и «авторитаризм». Первый термин в новой классификации не может иметь превалярующее значение, поскольку на сегодня тоталитаризм как форма политического режима уже изживает себя (единственным государством, более всего претендующим на роль тоталитарного, остается лишь Корейская народно-демократическая республика – КНДР). Это связано с тем, что в течение всей истории эволюции человечества режимы с тоталитарным направлением получили развитие только в XX веке с распространением фашистско-нацистской и коммунистической идеологий, и с их уходом с политической арены и наступлением эры демократизации тоталитарная форма устройства политической власти становится все более не востребуемой и непривлекательной. В силу этого автономное использование термина «тоталитаризм» в современных условиях должно быть максимально ограничено, оно возможно лишь в ряду других недемократических режимов, как исторических, так и современных.

Что касается авторитаризма, то данное понятие имеет более узкое значение: когда говорят об авторитарном режиме, обычно имеют в виду псевдodemократические режимы XX века, в которых имеется некое подобие народовластия с формально проводимыми выборами, плебисцитом, декларируемым равенством прав, формально-конституционально закрепленным принципом разделения властей и т.д. А по отношению к другим формам и историческим проявлениям недемократических режимов, таким как деспотия, тирания, абсолютная монархия и т.д., понятие «авторитарное правление» менее применимо и менее

ассоциативно.

Поэтому, на наш взгляд, для обозначения совокупности недемократических режимов более подходящим термином является термин «автократия», который в последние годы все чаще употребляется в западной аналитике для обозначения всех недемократических режимов.

При создании новой классификации политических режимов нужно учесть и то, что одними из основных и неизменных факторов, оказывающих непосредственное влияние на форму государства, являются природные и культурно-исторические особенности развития того или иного государства (народа, нации). И именно эти элементы (географическое расположение государства, культурная и цивилизационная принадлежность населяющей его нации, ее историческое наследие) оказывают самое глубокое воздействие на процесс трансформации государственных форм, которые, несмотря даже на влияние современной глобализации, продолжают нести отпечатки своей культуры – цивилизационной, этнической, религиозной. Поэтому на сегодня основной упор должен быть сделан на классификации политических режимов, которые находятся в прямой зависимости от культурных особенностей наций.

В этом плане особо показательной является классификация политических режимов Э. Хейвуда, который при обосновании своей классификации, наряду с политическими и экономическими характеристиками общества, ориентируется еще и на культурные различия, в частности, при выделении режима «западные полиархии» он в качестве основного признака берет не наличие представительной демократии (что ныне характерно для большей части государств мира), а характерную только для западного мира «глубоко укоренившуюся приверженность принципу индивидуализма» [7, с. 40].

И это, на наш взгляд, наиболее правильный подход, поскольку, как замечает С. Хантингтон, «для большинства людей культурная идентификация – самая важная вещь» [6, с. 14]. Собственно этот признак (культурные различия), имеющий своим корнем культурные и цивилизационные особенности разных народов, должен быть положен в основу современной классификации форм политического режима, потому что именно благодаря ему складывается сегодняшнее многообразие форм государства, примером могут послужить очевидные различия между западными (США и государства Западной Европы) и незападными демократиями (даже самыми признанными из них, как японская и индийская).

Еще один момент: современная классификация форм государства должна отойти от получившей начало еще в платоновские и аристотелевские времена тенденции разделять формы государства на отрицательные и положительные, поскольку в этом разделении в большей степени превалирует субъективизм, напрямую зависящий от политических и иных убеждений исследователя, чем объективная оценка им истинной природы того или иного правления. Иначе говоря, вспоминая Т. Гоббса, это всего лишь «выражение порицания», которое своим истоком имеет только субъективное неприятие данной формы государства: «...те, кто испытал обиду при монархии, именуют ее тиранией, а те, кто недоволен аристократией, называют ее олигархией...» [2].

Таким образом, мы приходим к выводу, что на данный момент есть настоятельная необходимость пересмотра существующей классификации формы политического режима и нахождения иных, более соответствующих сегодняшним реалиям, критериев ее создания.

Список литературы

1. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан: очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985. 380 с.
2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского [Электронный ресурс]. URL: <http://fictionbook.in/tomas-gobbs-leviafan-ili-materiya-forma-i-vlast-gosudarstva-cerkovnogo-i-graghdanskogo.html?page=43> (дата обращения: 30.01.2016).

3. Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Политология: хрестоматия / сост. проф. М. А. Василик, доц. М. С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. 843 с. – 331-343 с.
4. Мухаев Р. Т. Политология: учебник. М.: Проспект, 2010. 640 с.
5. Соловьев А. И. Политология: политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2005. 559 с.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
7. Хейвуд Э. Политология: учебник для студентов вузов / пер. с англ. под ред. Г. Г. Водолазова и В. Ю. Бельского. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 544 с.
8. Цыганков А. П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика: учебное пособие. М.: Интерпракс, 1995. 296 с.
9. Barnes J., Carter M., Skidmore M. The World of Politics. 2nd ed. N. Y.: St. Martin's Press, 1984. 220 p.

10. Типологизация политических режимов в политико-правовых теориях XX века. // Республиканский научно-теоретический журнал «Известия вузов Кыргызстана», №2, 2016. Бишкек, 2016.

Кыскача мазмун. Бул макала саясий режимдерди жиктөө маселесине арналган. Макалада “саясий режим” түшүнүгүнүн пайда болушу жөнүндө сөз болуп, либералдык демократия жана анын оппоненттеринин ортосундагы талкууга көңүл бөлүнөт. Саясий режимдердин айрым белгилүү классификацияларына кыскача мүнөздөмө берилет. Жыйынтык катары айтылып өтүлгөн классификациялар болгон теориялык концепциялардын бир аз гана бөлүгү экени баса белгиленет.

Чечмелөөчү сөздөр: саясий режим, саясий режимдердин классификациясы, демократиялык режим, демократиялык эмес режим, авторитардык режим, тоталитардык режим, полиархия.

Аннотация. Статья посвящена проблеме разделения политических режимов на отдельные типы. В ней рассказывается о появлении самого понятия «политический режим», и о дискуссии сторонников либеральной теории и их оппонентов. Дается краткая характеристика некоторым наиболее популярным классификациям политических режимов. Подчеркивается, что упомянутые классификации являются лишь небольшой частью из множества имеющихся теоретических концепций.

Ключевые слова: политический режим, классификация политических режимов, демократический режим, недемократический режим, авторитарный режим, тоталитарный режим, полиархия.

Abstract. The article discusses the division of the political regimes in the individual types. It tells about the appearance of the concept of "political regime" and the discussion between followers of the liberal theory and their opponents. It describes some of the most popular classifications of political regimes. It is emphasized that these classifications are only a small part of the plurality of existing theoretical concepts.

Keywords: political regime, the classification of the political regimes, democratic regime, non-democratic regime, an authoritarian regime, a totalitarian regime, polyarchy.

Понятие «политический режим» появился в западной литературе в XIX веке, но прочно вошел в научный политический обиход только в XX веке в связи с возникновением таких типов государства, которые проповедовали новые, доселе не известные никому, идеологии в виде коммунизма, фашизма и нацизма, что стало причиной выделения двух основных типов политического режима – демократического и недемократического (тоталитарного, авторитарного). Такая классификация, конечно же, по большей части

условна: если демократические режимы в основном похожи друг на друга, и их можно подводить под общий знаменатель, то недемократические режимы разнообразны и порой кардинально отличаются друг от друга. Поэтому каждый исследователь предлагает свое видение типологизации режимов, при этом многие преподносят демократический режим как единственно возможный положительный тип функционирования политической власти в обществе.

Так, Б. Рассел считает, что «государство должно быть демократическим»; но тут же во избежание проблемы, чтобы «концентрация власти в одной отдельной организации, в том числе в государстве, не породила зла деспотизма в крайней форме», предлагает решение распределить власть внутри государства, «чтобы подчиненные группы обладали всеми средствами, обеспечивающими их автономию» [3].

Но, вместе с тем, первые либерально-демократические режимы были подвергнуты в свое время жесткой критике и нападкам со стороны оппонентов либеральной демократии (марксистов, анархистов, монархистов и др.). В частности, они обращали внимание на то, что основные принципы либеральной демократии в большей степени носят декларативный и формальный характер, например, конституционально закрепленный принцип провозглашения народа единственным источником власти не работает, ибо в реальной жизни государством правит лишь небольшая группа богатых людей. Дискуссии подвергались и принципы индивидуализма и свободы: первый принцип, по мнению критиков, игнорирует коллективистскую природу человека, а второй принцип не учитывает той данности, что абсолютной свободы не существует, все люди в чем-то ограничены в своих свободах и желаниях. Принцип равноправия также становился объектом критики, поскольку в эпоху классической либеральной демократии имеющееся социальное расслоение общества предопределило и общественное неравенство, лишая беднейшие социальные слои конституционально закрепленных за ними прав и свобод.

Сами либералы, также признавая несостоятельность многих положений либеральных теорий демократии, разрабатывали другие теоретические концепции (плюралистические, элитистские и др.), у которых на первый план в качестве главных движущих сил выходят не народ в целом и не отдельная личность, а различные группы (плюралистическая концепция) и элита (элитистская).

Что касается общей целостной классификации политических режимов, то здесь также имеется множество теоретических концепций и взглядов.

Например, Р. Даль проводит классификацию форм политических режимов по двум критериям: по характеристике оппозиционных сил (Даль использует термин «публичное оспаривание») и по степени политического участия населения во властных действиях (по Далю, «степень включенности режима») [2;10]. Так, по этим критериям политические режимы делятся на:

конкурентные олигархии (высокий уровень развития оппозиции при низком уровне политического участия населения в управлении);

закрытые гегемонии (низкий уровень развития оппозиции и низкий уровень политического участия);

открытые гегемонии (низкий уровень развития оппозиции и высокий уровень политического участия);

и, наконец, полиархии (высокий уровень развития оппозиции и высокий уровень политического участия).

Следующая классификация политических режимов, на которую следует обратить внимание, это классификация Х. Линца. Согласно ему, политические режимы бывают пяти типов: демократический, авторитарный, тоталитарный, посттоталитарный и султанистский. В свою очередь, авторитарный режим подразделяется на пять субрежимов: военно-бюрократический авторитаризм, корпоративный авторитаризм, дототалитарный авторитаризм, постколониальный авторитаризм и расовая или этническая квазидемократия [4;175-178].

В политической научной среде также популярна классификация политических режимов С. Хантингтона. Он выделяет два основных режима: демократический и авторитарный. Среди демократических режимов, по мнению С. Хантингтона: «какие-то ... президентские, какие-то парламентские, какие-то олицетворяют собой голлистскую смесь того и другого; кроме того, одни из них двух партийные, а другие многопартийные...» [5;122]. Но они «имеют общее институциональное ядро», в силу чего Хантингтон не считает нужным придавать особое значение их различению. Что касается авторитарных режимов, то они не имеют общего ядра, и их связывает между собой только то, что они «не являются демократическими». В связи с этим он выделяет несколько исторических типов авторитаризма («абсолютные монархии, ... фашистские государства, колонии и личные военные диктатуры») и четыре современных типа (однопартийные системы, военные режимы, личные диктатуры и расовые олигархии).

Классификация политических режимов российского исследователя Г.В. Голосова [1;63-89] создана под влиянием классификационных систем Аристотеля и современного французского компаративиста Жана Блонделя. В основу своей классификации он положил три критерия; из них первые два характеризуют элиту государства, третий рассматривает массы, народ.

Так, первый критерий показывает открытость или закрытость характера борьбы за власть в государстве: при открытом характере режима борьба различных фракций элиты за лидерство происходит на законной основе – при помощи выборов или жребия; закрытый характер предполагает отсутствие любых оппозиционных сил, а переход власти от одних сил к другим происходит только «в случаях наследования власти, кооптации или насилия».

Второй критерий характеризует особенности внутренней структуры элиты, либо она монолитна, когда все разновидности элиты (экономическая, политическая, административная, и, возможно, военная) совпадают между собой, либо она дифференцирована, когда экономическая элита отделена от властвующей элиты, внутри которой, в свою очередь, имеется разделение административных и собственно политических функций.

Третий критерий показывает уровень политического участия населения в принятии властных решений, согласно которому политические режимы могут быть включающими, при которых массы «включены» в политическую жизнь, и исключаящими, когда массы отлучены от участия в управлении государством.

По совокупности этих критериев Г. Голосов выделяет шесть типов политических режимов: (данная классификация известна под названием классификация Голосова-Блонделя)

Таблица 1. Классификация Голосова-Блонделя

<i>Режим</i>	<i>Закрытый, с монолитной элитой</i>	<i>Закрытый, с дифференцированной элитой</i>	<i>Открытый</i>
<i>Исключающий</i>	Традиционный	Авторитарно-бюрократический	Соревновательная олигархия
<i>Включающий</i>	Эгалитарно-авторитарный	Авторитарно-инэгалитарный	Либеральная демократия

Среди этих режимов все те, которые имеют в своей характеристике понятия «закрытый» и «исключающий» (т.е. пять из шести, кроме либеральной демократии), Г. Голосов относит к авторитарным режимам.

Мы не будем подробно описывать каждый из режимов, просто назовем для наглядности наиболее типичные режимы по каждой группе. Например, по пути традиционного режима прошли все государства; исторические его формы – это «родовые империи, империи кочевников или завоевателей, города-государства, феодальные системы и централизованные бюрократические империи», а в современную эпоху такой режим

имеют Саудовская Аравия, Бутан, Бруней, Свазиленд и др.

Примерами соревновательной олигархии Г. Голосов называет политическую систему Англии с 1688 до 1832 г., современную Колумбию и некоторые другие латиноамериканские государства.

Бюрократический авторитаризм известен в виде военных и популистских режимов, более распространенных на африканском континенте.

Эгалитарно-авторитарный режим (эгалитаризм – концепция всеобщей уравнительности) – это коммунистические режимы, т.е. режимы Советского Союза, КНР, КНДР, восточноевропейские государства и др.

Авторитарно-инэгалитарный (приставка ин- обозначает не) режим, в отличие от предыдущего, основанного на идее о равенстве и социальной справедливости, режима, зиждется, наоборот, на идее неравенства. В частности, фашистская Германия строилась на идее исключительности «арийской расы».

И, наконец, либеральная демократия, к которой Г. Голосов относит не только признанные западные демократии, но и «новые демократии», появившиеся вследствие распада социалистического лагеря.

Один из современных политологов Запада Э. Хейвуд также предлагает собственную классификацию современных режимов, которая состоит из пяти типов: западных полиархий, новых демократий, восточноазиатских режимов, исламских режимов и военных режимов [6;40].

Подводя итог по систематизации классификационных систем политического режима, можно заметить, что рассмотренные выше теоретические идеи и конструкции по различным моделям структурного и функционального формирования устройства государства представляют собой лишь небольшую часть из множества теоретических построений в этой области, но данная выборка дает достаточно цельное представление не только об изменениях в мышлении и мировоззрениях ученых, но и о развитии государствоведческой науки вообще.

Литература:

1. Голосов Г.В. Сравнительная политология: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. СПб: Изд-во Европ. ун-та, 2001. 368 с.
2. Даль Р.А. Полиархия: участие и оппозиция // пер. с англ. С. Деникиной, В. Баранова. М.: Изд. дом Гос. ун-та. – Высшей школы экономики, 2010. 288 с.
3. Рассел Б. Власть. // Семигин Г.Ю. Антология мировой политической мысли [Электронный ресурс]. // Библиотека Гумер – Политология. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/Sem/09.php (дата обращения: 8 марта 2016 г.)
4. Теория политики: Учебное пособие. // Под ред. Б. А. Исаева. СПб.: Питер, 2008. 464 с.
5. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. 368 с.
6. Хейвуд Э. Политология. Пер. с англ. // Под ред. Г.Г. Водолазова и В.Ю. Бельского. М.: ЮНИТИ, 2005. 544 с.

11. Проблема олигархизации власти в современном мире (на примере Кыргызстана). // Журнал «Общество: политика, экономика, право», №6, 2016, Краснодар, 2016.

Аннотация: В статье рассматривается олигархия как форма государственного строя, при которой государством управляют представители финансово-промышленного капитала, предпринимательства и бизнеса. Утверждается, что любое государство современности в той или иной степени является олигархией. Устанавливается степень олигархизации власти в современной Кыргызской Республике и делается вывод, что сращивание власти с

бизнесом приводит к ухудшению положения простого народа.

Ключевые слова: власть, богатство, олигархия, олигарх, «железный закон олигархии», Кыргызская Республика, лоббирование, коррупция, борьба с коррупцией.

Summary: The article discusses oligarchy as a form of political system, in which the state is ruled by representatives of financial and industrial capital, entrepreneurship and business. The author believes that any modern state is the oligarchy to a greater or lesser extent. The paper assesses the degree of power oligarchization in the modern Kyrgyz Republic. It is concluded that merging of government and business leads to the deteriorating quality of lives of common people.

Keywords: power, wealth, oligarchy, oligarch, "iron law of oligarchy", Kyrgyz Republic, lobbying, corruption, fight against corruption.

Власть и богатство тесно связаны, поскольку во все времена верховная власть в государстве принадлежала богатым. Даже выдающиеся мыслители-философы, ратующие за правление мудрых и справедливых, не могли не обращать внимания на то обстоятельство, что богатые люди во власти нужны. Например, Аристотель утверждал: «... в политике же только элементы, составляющие государство, должны быть мерилom при соперничестве. Поэтому вполне основательно притязают на честь в государстве лица благородного происхождения, богатые (выделено нами – К. С.), свободнорожденные...» [1, т. 4, с. 469]. Представители политической мысли Востока также относились к богатству как к обязательному спутнику власти, возможно, не всегда к положительному: «Что касается благ, то они знают лишь те из них, которые только по видимости слынут в мнениях людей за блага ... таковы телесное здоровье, богатство (выделено нами – К. С.), наслаждения, свобода предаваться своим страстям, почести и величие» [2, с. 322], либо выказывая полную уверенность в том, что «Тот, у кого много имущества, лучше всех подходит для управления. Если правитель останется с пустыми руками, ему будет трудно собрать людей» [3, с. 345].

Непреложная аксиома, что ни один государственный строй невозможно представить без присутствия в нем олигархических элементов, позволила немецкому ученому Р. Михельсу сформулировать в труде «Социология политических партий в условиях современной демократии» (1911 г.) так называемый «железный закон олигархии» (iron law of oligarchy). Последнюю он считал «предустановленной формой человеческого общежития в больших союзах» [4, с. 544], когда любой политической организацией всегда фактически правит олигархическая, элитарная группа. Чем шире эта организация, тем меньше в ней демократических элементов и тем больше олигархических. Как утверждает Р. Михельс: «в условиях современной демократии действует правило: никто не может уклоняться от требований олигархов, ибо в этом случае он грешит против самого себя, своей собственной воли, добровольно переданной представителю» [5, с. 550].

Таким образом, любое правление в своем реальном воплощении в той или иной степени олигархично. Это актуально и для всех современных государств, в том числе «оплота демократии» – Соединенных Штатов Америки. В 2014 году в Принстонском и Северо-Западном университетах предпринято исследование американской политики в области «элиты, групп интересов и рядовых граждан». М. Гайленс и Б. И. Пейдж на основе использования многофакторного анализа пришли к выводу, что «...американская общественность на самом деле имеет мало влияния на политику нашего правительства. Американцы пользуются многими функциями демократического управления, такими как регулярные выборы, свобода слова и ассоциаций, а также широко распространенные франшизы. Но мы считаем, что, если в формировании политики доминируют мощные бизнес-организации и небольшое число богатых американцев, то притязания Америки на статус демократического общества, находятся под угрозой» [6]. В данной работе авторы хотя и прямо не называют современную политическую систему США олигархией, все же приходят к выводу, что организованные группы и бизнес-структуры оказывают на власть

существенно большее влияние, чем среднестатистические граждане.

Общеизвестно, что появление олигархов характерно в большей степени для небедных государств, там, где имеются обширная нефтегазовая отрасль, металлургическая и иная тяжелая промышленность, поэтому олигархами обычно считаются сверхбогатые люди с миллиардным состоянием, владеющие несколькими крупными предприятиями. Естественно, для них чрезвычайно важна защита своих интересов, поэтому они включаются в их лоббирование на уровне всех трех ветвей государственной власти, а также четвертой власти – СМИ. Если в США лоббированием, как отмечено ранее, занимаются крупные бизнес-структуры (ТНК, торгово-промышленные организации, профессиональные ассоциации), то в Европе срачивается с государством преимущественно финансовая олигархия в виде банковских структур.

В России крупная олигархия после нескольких случаев уголовного преследования лидеров потеряла рычаги воздействия на власть. На сегодняшний день из государств постсоветского пространства наиболее олигархическим считается Украина, поскольку ее действующий президент входит в когорту крупной олигархии страны.

Олигархия постсоветского пространства имеет одну особенность: она чрезвычайно тесно переплетена с государственной властью, поскольку, во-первых, после развала СССР чиновники, злоупотребляя служебным положением, путем приватизации государственных предприятий и их передачи в частную собственность смогли значительно поправить свое финансовое состояние, с чем и связывают появление слоя олигархии в постсоветских странах, во-вторых, во многих из них причиной обогащения государственных чиновников высшего ранга стал широкий размах коррупции, что позволило им войти в состав национальных олигархий если не с миллиардным состоянием, то миллионным. С этой позиции олигархат как власть богатых присущ любому государству СНГ, будь то богатейшие Россия и Казахстан, или их более бедные соседи.

Естественно, Кыргызстан в этом плане также не исключение. На сегодня представители бизнеса имеются во всех трех ветвях власти. В 2012 году СМИ составили рейтинг ста самых богатых людей страны [7], большинство из них – государственные чиновники разного ранга (свыше 70 % из общего списка). Данный рейтинг не может служить источником официальной информации, поэтому ему полностью доверять не стоит, тем не менее он в той или иной степени показывает соотношение власти и бизнеса в стране.

Согласно этому рейтингу самым крупным олигархом Кыргызстана является О. Бабанов – бизнесмен, ныне депутат Жогорку Кенеша (парламента), а на момент составления списка – премьер-министр КР (состояние оценивается в 1,0-1,5 млрд долл. США). На втором месте находится известный бизнесмен, владелец крупнейшего рынка Центральной Азии «Дордой» А. Салымбеков (1,0-1,2 млрд долл. США). На третьем месте – нынешний президент Кыргызстана А. Атамбаев (500-600 млн долл. США), который до 2007 г. являлся руководителем объединения «Корпорация "Кыргызавтомаш"», состоявшего из таких предприятий, как «Автомаш-Энерго», «Автомаш-Экол», «Автомаш-Радиатор», ОАО «Кыргызавтомаш». Сейчас первые две компании принадлежат его сыновьям.

О том, каких финансовых успехов добиваются чиновники страны, можно узнать и из материалов уголовных дел, заведенных в отношении некоторых из них. Так, экс-спикер Жогорку Кенеша КР в 2010-2011 гг. А. Келдибеков, по данным СМИ, всю жизнь работая в государственных структурах и не имея бизнеса, приобрел состояние в 180-200 милл долл. [8]. В ноябре 2013 г. ему было предъявлено обвинение в коррупции, злоупотреблении служебным положением и нанесении ущерба государству в 40 млн сомов. Бишкекский городской суд 11 марта 2016 г. вместо предлагаемого гособвинителем наказания в виде лишения свободы на 10 лет назначил А. Келдибекову штраф в 10 млн сомов.

Другой подсудимый, бывший депутат Жогорку Кенеша КР, экс-мэр Бишкека Н. Тюлеев, также на государственных должностях заработал состояние, определяемое в 400-500 млн. долл. США [9]. В августе 2012 г. ему было предъявлено обвинение в коррупции, отмыивании денег и нанесении ущерба государству. В декабре 2015 г. Верховным судом КР

Н. Тюлеев был приговорен к 11 годам тюрьмы, но 7 мая 2016 г. он был досрочно освобожден в связи с полным погашением нанесенного стране ущерба.

Результаты этих уголовных дел совершенно ясно показывают, что в республике заявленная властью борьба с коррупцией имеет нулевой эффект, поскольку заплатить установленные судом суммы штрафов находящимся под следствием олигархам не составит труда. К тому же в жерло коррупции путем подкупа судей, организации масштабных пиар-акций и других действий втягивается все больше людей.

Таким образом, в Кыргызстане коррупция и злоупотребление служебным положением являются самыми весомыми источниками обогащения чиновников и превращения их в олигархов разных калибров. При этом государственные чиновники и представители бизнес-структур предпринимают попытки продвигать свои интересы и на законодательном уровне, путем лоббирования законов.

Как показывают результаты исследования американских ученых М. Гайленса и Б. И. Пейджа, чем больше в государстве принимается законов, лоббируемых олигархическими группами, тем олигархичнее само государство. В Кыргызстане к числу подобных «лоббистских» законов и законопроектов можно отнести несколько резонансных актов последних лет. Например, законопроект «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Кыргызской Республики» (в Налоговый кодекс Кыргызской Республики, Закон «О государственных пособиях в Кыргызской Республике»), окончательная редакция которого была утверждена Постановлением Жогорку Кенеша КР от 17.12.2015 г. № 114-VI [10]. По мнению членов Ассоциации НКО, данный законопроект, «направлен на поддержку богатых и обеспеченных слоев населения и ущемляет самых бедных граждан нашей страны» [11], ввиду чего президент А. Атамбаев не подписал его и возвратил в Жогорку Кенеш для доработки.

В 2015 г. были подписаны и через полгода, в начале 2016 г., вступили в действие Законы КР «Об обязательном страховании гражданско-правовой ответственности владельцев автотранспортных средств» (Закон об ОСАГО) и «Об обязательном страховании жилых помещений от пожара и стихийных бедствий», которые, по всеобщему мнению, отражают интересы не народа, а частных страховых компаний. После их принятия и осуждения общественностью был инициирован законопроект, предполагавший приостановление введения законов в действие до 2020 г., но под давлением лоббистских групп он не дошел до второго чтения и был отклонен.

Таким образом, присутствие в высших эшелонах власти Кыргызстана олигархических элементов, а также каналов лоббирования интересов бизнес-структур не подлежит сомнению. В целом сращивание власти и бизнеса привносит в жизнь страны негативный эффект, выдвигая на первый план потребности имущих слоев и оставляя за бортом государственной политики рядовых граждан.

При этом борьба с коррупцией как с основным источником олигархизации государственной власти не дает нужного эффекта. Вместо преодоления первопричин коррупции (низкой заработной платы государственных служащих, низкого уровня обеспечения правовой законности в стране, отсутствия системы жесткого контроля над госструктурами, бездействия судебной, правоохранительной систем и др.), устраняются лишь ее последствия, когда она уже нанесла значительный ущерб государству. По сути существует только видимость борьбы с коррупцией, которая вкупе с высокой степенью nepотизма, фаворитизма, круговой поруки во власти дает политической элите широкий простор для удовлетворения частных финансовых интересов.

Ссылки:

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. М., 1983, 830 с.
2. Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммад. Философские трактаты. Алма-Ата, 1972. 430 с.
3. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-Турк / пер., предисл. и комментарии З.-

А. М. Ауэзовой; индексы составлены Р. Эрмерсом. Алматы, 2005. 1288 с.

4. Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии. // Политология: хрестоматия / сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М., 2000. 540-550 с.

5. Там же. С. 550.

6. Gilens M., Page B.I. Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens. // Perspectives on Politics. September 2014 Vol. 12, no. 3. P. 564-581. URL: http://journals.cambridge.org/download.php?file=%2FPPS%2FPPS12_03%2FS1537592714001595a.pdf (дата обращения: 5 июня 2016 г.).

7. Во главе ста богачей стоит Бабанов, в конце – Отунбаева? (список самых богатых людей в Кыргызстане). // Кун Дарек. 2012. 10 апр. URL: http://www.gezitter.org/society/10318_vo_glave_sta_bogachey_stoit_babanov_v_kontse_-_otunbaeva_spisok_samyih_bogatyih_lyudey_v_kyrgyzstane/ (дата обращения: 5 июня 2016 года).

8. Там же.

9. Там же.

10. О проекте Закона «О внесении изменений в некоторые законодательные акты КР» («Налоговый кодекс КР», «О государственных пособиях в КР»). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kenesh.kg/lawprojects/lps.aspx?view=projectinfo&id=76557> (дата обращения: 5 июня 2016 года).

11. Законопроект направлен на поддержку богатых и обеспеченных слоев населения и ущемляет самых бедных граждан нашей страны. [Электронный ресурс]. URL: <http://childrenetwork.kg/2016/03/14/4258/> (дата обращения: 5 июня 2016 года).

References:

Aristotle 1983, Compositions: 4 vols, vol. 4 Moscow, 830 p., (in Russian).

Al-Farabi, Abu Nasr Muhammad 1972, Philosophical treatises, Alma-Ata, 430 p., (in Russian).

Mahmoud al-Kashgar 2005, Divan lugat al-Turk, Almaty, 1288 p., (in Russian).

Michels, R 2000, 'Sociology of the political party in a democracy', Politologiya: a reader, Moscow, pp. 540-550, (in Russian).

Gilens, M & Page, BI 2014, 'Testing Theories of American Politics: Elites, Interest Groups, and Average Citizens', Perspectives on Politics, vol. 12, no. 3, pp. 564-581, viewed 22 June 2016, <http://journals.cambridge.org/download.php?file=%2FPPS%2FPPS12_03%2FS1537592714001595a.pdf>.

'At the head of one hundred wealthy Babanov is, in the end – Otunbayeva? (List of the richest people in Kyrgyzstan)' 2012, Kun Darek, April 10, viewed 22 June 2016, <http://www.gezitter.org/society/10318_vo_glave_sta_bogachey_stoit_babanov_v_kontse_-_otunbaeva_spisok_samyih_bogatyih_lyudey_v_kyrgyzstane/>, (in Russian).

The bill is aimed at supporting the rich and the poor and violates the poorest citizens of our country 2016, viewed 22 June 2016, <<http://childrenetwork.kg/2016/03/14/4258/>>, (in Russian).

12. Конституционный статус Кыргызской Республики как ориентир ее развития. // Известия Национальной академии наук Кыргызской Республики, №2, 2016, Бишкек, 2016.

Согласно редакции Конституции Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года (статья 1, пункт 1), Кыргызская Республика (Кыргызстан) является суверенным, демократическим, правовым, светским, унитарным, социальным государством [2].

Суверенность Кыргызской Республики была провозглашена 15 декабря 1990 года с принятием «Декларации о государственном суверенитете Республики Кыргызстан». «Декларация о государственной независимости Республики Кыргызстан» была принята

Верховным Советом Республики Кыргызстан 31 августа 1991 года. С этого времени идет отсчет нового этапа развития Кыргызстана – этапа обретения им реальной политической и экономической самостоятельности, этапа государственности.

Следовательно, Кыргызстан состоялся как государство только после приобретения им суверенитета и независимости, и признания его суверенности мировым сообществом. Но здесь следует отметить, что в соответствии с современными тенденциями суверенитет государства не абсолютен, а ограничен условиями современного взаимозависимого мира, когда отдельное государство должно прислушиваться к рекомендациям мирового сообщества.

Таким образом, Кыргызстан, вступив в ряды современных государств, получил возможность приобрести все признаки, присущие современному государству. В предыдущий период его развития он, находясь в составе СССР, обладал теми же чертами, какие были характерны Советскому Союзу.

После приобретения суверенитета Кыргызстан провозгласил себя демократическим государством. Основными принципами демократии, как известно, являются:

- признание верховной власти народа;
- периодическая выборность государственных органов;
- равенство прав граждан на участие в управлении государством;
- подчинение меньшинства большинству при ограничении власти большинства и сохранении свободы меньшинства [4,200-205].

В Кыргызстане все эти принципы демократии законодательно закреплены, в частности, носителем суверенитета и единственным источником государственной власти является народ Кыргызстана. Закреплены и принципы свободных выборов, такие, как всеобщность, равенство, периодичность, конкурентность, которые должны работать на то, чтобы исключить всякое политическое насилие. По форме правления Кыргызстан является парламентско-президентской республикой, поскольку после принятия в 2010 году новой редакции Конституции количество прерогатив Президента республики по сравнению с предыдущими периодами значительно сократилось, а полномочия Жогорку Кенеша и главы Правительства существенно расширились.

Одним словом, Кыргызстан, законодательно утвердив общие принципы демократии и внедрив их в политическую действительность, открыто выражает свою приверженность к демократическим ценностям.

Кыргызстан, в соответствии с Конституцией, провозглашается также правовым государством. Основными принципами правового государства являются:

Принцип верховенства закона, который означает всеобщность права, его распространение на всех, в том числе и органы государственной власти. Законы страны должны соответствовать нормам международного права, быть справедливыми, регулируемыми все стороны общественной жизни и неукоснительно соблюдаться.

Принцип соблюдения и охраны прав и свобод человека, означающий, что в правовом государстве человек, его права и свободы являются высшей ценностью, поэтому оно обязано не только признать права и свободы гражданина своей важнейшей обязанностью, но и гарантировать их и реально защищать.

Принцип разделения властей, который заключается в наличии законодательной, исполнительной и судебной ветвей государственной власти, что означает создание в государстве системы сдержек и противовесов, достигаемое путем разделения их прав и полномочий.

Принцип взаимной ответственности государства и личности, который означает, что правовое государство несет ответственность перед каждой личностью, а личности, их объединения должны, в свою очередь, подчиняться установленному в государстве порядку.

Все эти принципы правового государства закреплены в Конституции КР, и часть из них реализована на практике. Например, в соответствии с Конституцией, государственная

власть в Кыргызской Республике основывается на принципе разделения власти на три ветви – законодательную, исполнительную и судебную, и их согласованного функционирования и взаимодействия. Законодательную ветвь государственной власти представляет Жогорку Кенеш, парламент Кыргызской Республики, который состоит из одной палаты и избирается всенародно по пропорциональной избирательной системе. Исполнительную власть в Кыргызстане осуществляет Правительство КР, подчиненные ему министерства, государственные комитеты, административные ведомства и местная государственная администрация. Судебная система Кыргызской Республики состоит из Верховного суда и местных судов. Полномочия всех трех ветвей власти разграничены, но такие элементы разделения властей, характерные для правового государства, как независимость судебной власти и подконтрольность исполнительной власти, в Кыргызстане еще не реализованы на должном уровне.

Другие принципы правового государства, хотя и закреплены в Кыргызстане законодательно, также не осуществлены в полной мере, поэтому, можно сказать, что статус правового государства является политической целью Кыргызской Республики, которая еще не достигнута.

Кыргызская Республика в своей Конституции определил себя социальным государством. Социальная роль современного государства заключается в том, чтобы осуществить принцип социальной справедливости в обществе, хотя полностью уничтожить социальное неравенство невозможно. Поэтому почти все социальные государства современности за редким исключением прилагают свои усилия к тому, чтобы лишь сгладить имеющиеся в обществе социальные противоречия. Для этого государство проводит социальное обеспечение и социальную защиту своих граждан путем проведения политики занятости населения и охраны труда, социального страхования, перераспределения национального дохода в пользу менее обеспеченных слоев населения (безработных, престарелых, людей с ограниченными физическими возможностями), развития государственного образования и государственной медицины, поддержки семьи и материнства, заботы о молодежи и т.д.

Социальное государство, так же, как и правовое государство, осуществляет свою деятельность в русле реализации прав человека, при этом правовое государство основное свое внимание уделяет защите гражданских и политических прав гражданина, тогда как социальное государство обеспечивает реализацию экономических и социальных прав, т.е. тех прав, которые направлены на улучшение материального благосостояния человека.

Но обеспечение этих прав в большей степени зависит от того, какими возможностями (экономическими и социальными) обладает то или иное государство. Поэтому многие государства свои социальные стратегии основывают не только на том, чтобы заниматься государственным попечительством, но и на том, чтобы дать своим гражданам возможность самореализоваться и проявить свою инициативность. Наряду с ними, и Кыргызстан, определив себя социальным государством, выстраивает свою социальную политику в соответствии с экономическими возможностями общества и на основе всемерного поощрения инициативы и желания гражданина самому достигать экономического благополучия для себя и своей семьи.

Унитаризм Кыргызстана, заложенная в его Конституции, выражена в том, что он является единым, политически однородным государством, обладающим трехзвенным административно-территориальным делением (области, районы и города, айылы). Устройство Кыргызстана как унитарного государства основано на относительной децентрализации.

Термин «децентрализация» в строгой его интерпретации означает перенос баланса власти с центрального на более низший (местный) уровень, когда осуществлена передача (деволюция) права принятия решений от центральной власти к нижестоящим органам управления [3,27]. Относительная децентрализация характеризует унитарное государство, в котором две формы – централизация и децентрализация – сочетаются воедино.

На примере Кыргызстана относительная децентрализация выглядит следующим образом: на первичном уровне управления действует местное самоуправление, на районном и областном уровнях действуют государственные органы.

Местное самоуправление и принципы его организации регулируются Законом Кыргызской Республики за № 101 «О местном самоуправлении» от 15 июля 2011 года. Согласно этому закону, местное самоуправление осуществляется в границах города и айыльного аймака [1]. К ведению органов местного самоуправления относятся как вопросы местного значения, так и делегированные государственные полномочия. При этом органы местного самоуправления по результатам решения вопросов местного значения подотчетны местному сообществу соответствующей территории, а по делегированным государственным полномочиям подотчетны уполномоченным органам государственной власти.

Систему органов местного самоуправления образуют айылные и городские местные кенешы (представительные органы местного самоуправления) и айыл окмоту, мэрии городов (исполнительные органы местного самоуправления). Исполнительные органы местного самоуправления в своей деятельности подотчетны кенешам, а по делегированным государственным полномочиям – соответствующим государственным органам.

На следующих уровнях управления – районном и областном – органы местного самоуправления (кенешы) отсутствуют. На уровне районов государственным органом являются районные государственные администрации во главе с акимом, а на областном уровне органом государственной власти являются полномочные представительства Правительства КР во главе с Полномочным представителем Правительства КР. Таким образом, власть на этих уровнях сосредоточена в руках государственных органов власти, в частности, акимов и полномочных представителей Правительства, которые проводят в жизнь административные решения центра и находятся в строгом иерархическом подчинении по отношению к вышестоящим государственным органам.

В силу выше сказанного, можно сделать вывод о том, что на данный момент в Кыргызстане как унитарном государстве имеет место быть относительная децентрализация государственного устройства.

Как светское государство Кыргызская Республика гарантирует каждому своему гражданину свободу вероисповедания и атеистического убеждения. Граждане Кыргызстана равноправны независимо от их религиозной принадлежности, и никто не может подвергаться какой-либо дискриминации, ущемлению свобод и прав по мотивам вероисповедания и религиозных убеждений. Согласно Конституции КР, в Кыргызстане никакая религия не может быть признана в качестве государственной или обязательной (статья 7, пункт 1). В силу этого, религия полностью отделена от государства, и все религиозные конфессии равны между собой перед законом. Поэтому, а также по причине того, что в стране проживают представители более чем 80 этнических общностей, Кыргызстан сложился как поликонфессиональное государство, в котором существует около 30 конфессий.

Основная часть населения Кыргызстана (около 4/5) проповедует ислам, и с принятием в 1991 году Закона КР «О свободе вероисповедания и религиозных организациях» ислам в Кыргызстане начал возрождаться. Увеличилось число мечетей, у мусульман появилась возможность совершать ежегодные паломничества в Мекку и праздновать основные мусульманские торжества – Орозо айт и Курман айт, дни празднования которых считаются не рабочими.

Христианство в Кыргызстане представлено православием, католицизмом и протестантством, среди которых особо развито православие. Православия придерживается примерно 1/10 часть населения Кыргызстана, и, наряду с мусульманскими праздниками, в стране торжественно отмечается и Рождество Христово.

Помимо этих двух религий, в Кыргызстане имеются буддистские общины, различные направления и течения католицизма и протестантства, а также нетрадиционные

направления, такие, как евангельские церкви и оккультные церкви.

Подобный религиозный бум, отмечаемый в Кыргызстане, является следствием либерализации религиозной деятельности, что чревато появлением общественно опасных религиозных течений и сект, к которым можно отнести религиозно-экстремистскую организацию «Хизб-ут-Тахрир», церковь объединения Муна, «Белое братство» и другие. Деятельность этих религиозных течений и сект представляет опасность обществу, потому что часть из них несет угрозу жизни и здоровью своих же членов, а, возможно, и их родственников, а другие, используя в своей деятельности антигуманные методы, могут угрожать стабильному и безопасному развитию государства и общества. Поэтому в целях обеспечения политической стабильности государства Конституция КР устанавливает, что «запрещается вмешательство религиозных объединений и служителей культов в деятельность государственных органов» (статья 7, пункт 3).

Таким образом, Кыргызская Республика, осознавая необходимость соответствия ведущим мировым тенденциям, в своей Конституции закрепила положения о том, что она является суверенным, демократическим, правовым, социальным, унитарным и светским государством. Но, как видно из выше изложенного, не все положения реализованы в Кыргызстане в полной мере. Вместе с тем, статус государства, изложенный в его Конституции, не обязательно должен отображать реальную государственную практику, он в большей степени моделирует идеальную конституционную модель в перспективе государства, выступая ориентиром в практической политике государства [5,150-151]. Поэтому думается, что достижение Кыргызской Республикой его конституционного статуса – это дело будущего.

Литература:

1. Закон Кыргызской Республики за № 101 «О местном самоуправлении» от 15 июля 2011 года. // Официальный сайт Министерства юстиции Кыргызской Республики. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/203102?cl=ru-ru> (дата обращения: 29 мая 2016 г.)
2. Конституция КР (Принята на 12 сессии Верховного Совета КР 12 созыва 5 мая 1993 г., изложена в Законе КР «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики» от 27 июня 2010 г.). // Эркин Тоо. 2010. 4 июля.
3. Пособие по местному самоуправлению, децентрализации и социальной мобилизации. / Сост. А. Бердалиев. Б., 2000. 108 с.
4. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. М.: Аспект Пресс, 2002. 477 с.
5. Червонюк В.И., Калинин И.В., Иванец Г.И. Энциклопедический словарь «Конституционное право России». М.: Юридическая литература. 2002. 432 с.

13. К вопросу функционирования демократического принципа выборности верховной власти в Кыргызстане. // Научно-методический журнал «Наука, техника и образование», 2016. № 10(28). Москва, 2016.

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы соблюдения одного из основных принципов демократии – конкурентной конституционной смены верховной власти – в Кыргызской Республике. Поэтапному анализу подвергаются выборные процессы, особенности смены государственной власти в республике и роль власти в конституционных кризисах, имевших место в четвертьвековой истории суверенного Кыргызстана.

Ключевые слова: Кыргызская Республика, демократизация, президентские выборы, парламентские выборы, смена власти.

Кыргызстан с обретением независимости в 1991 году взял курс на демократизацию, который подтверждается в первой конституции суверенного Кыргызстана от 5 мая 1993 г.:

«Кыргызская Республика (Кыргызстан) – суверенная, унитарная, демократическая республика, построенная на началах правового, светского государства» [2, 1 статья]. Но так ли это, на самом ли деле Кыргызская Республика является демократическим государством?

Если принять во внимание зависимость особенностей политического режима от специфики управления высшей верховной власти, то в Кыргызстане за его четверть века суверенного развития высшая верховная власть сменилась несколько раз, следовательно, в его развитии можно выделить несколько этапов: первый этап – 1991-март 2005 гг., т.е. период, когда пост президента страны занимал А.А. Акаев; второй этап – март 2005-апрель 2010 гг., период правления президента К.С. Бакиева, и третий этап – с апреля 2010 года по сегодняшний день, период, связанный с именами президентов Р.И. Отунбаевой (президента переходного периода) и А.Ш. Атамбаева.

Как известно, одной из наиболее характерных черт демократического политического режима является периодическая конкурентная смена высших органов государственной власти на основе выборов. За первый этап развития Кыргызстана в республике 3 раза прошли выборы президента и 3 раза – выборы парламента. После принятия Декларации о государственной независимости Кыргызской Республики 31 августа 1991 года в декабре того же года с целью закрепления статуса президента были назначены президентские выборы, на которых единственным безальтернативным кандидатом в президенты выступил действующий президент А. Акаев.

В 1995 году в стране прошли досрочные президентские выборы, в результате которых А. Акаев был избран на второй срок. Альтернативность и конкурентность данных выборов вызывают определенного рода сомнения, поскольку ряд оппозиционных кандидатов Центральная избирательная комиссия (ЦИК) КР не допустила к выборам по различным предложениям.

В 2000 году прошли очередные выборы президента, на которых А. Акаев в обход конституционных положений третий раз выставил свою кандидатуру на пост президента, объяснив это тем, что он в первый раз избирался президентом в 1990 году, т.е. до обретения Кыргызстаном государственной независимости и принятия конституции 1993 года. При этом он не учел того факта, что в 1991 году подтверждал свой статус на повторных выборах.

На этих выборах для отсеивания представителей оппозиции было использовано новое требование к кандидатам, как их проверка на владение государственным, кыргызским, языком. Это требование ЦИК преимущественным образом было направлено против одного из главных конкурентов А. Акаева – Ф. Кулова, который в недостаточной степени владел кыргызским языком. После отсеивания конкурентов А. Акаев выиграл выборы с абсолютным перевесом (74%).

Парламентские выборы в период правления А. Акаева проходили в 1995, 2000 и 2005 гг., из которых самыми скандальными были выборы, состоявшиеся в феврале-марте 2005 года. Эти выборы по числу нарушений и масштабу административного вмешательства в ход выборов поставили своеобразный рекорд. В ходе предвыборного процесса и во время выборов руководство страны допустило грубейшие стратегические ошибки, в частности, отстранило от участия на выборах неугодных кандидатов, в полной мере использовался административный ресурс, результатом чего стало преимущественное избрание в парламент сторонников А. Акаева.

Кульминацией этих событий стали штурм и взятие Дома правительства оппозиционными силами 24 марта 2005 года, приведшие к смене власти и изгнанию А. Акаева из страны. Таким образом, на первом этапе один из основных принципов демократического режима – периодическая конкурентная смена высших органов государственной власти согласно конституционным положениям – не соблюдался, поскольку А. Акаев правил страной в течение 15 лет вместо двух пятилетних сроков, выборы проходили в условиях подавления оппозиции и использования административных ресурсов. Также на этом этапе президент путем введения неоднократных изменений в конституцию в пользу усиления собственных полномочий, стремился к установлению

сильной президентской власти.

Второй этап развития суверенного Кыргызстана, ввиду того, что смена власти произошла насильственным путем, также говорить о конституционной легитимности верховной власти не приходится. Но К. Бакиев, пришедший к власти после А. Акаева, с целью скорейшей легитимизации своих полномочий на внеочередных президентских выборах, назначенных на июль 2005 года, вступил в политический альянс со своим основным конкурентом – Ф. Куловым (так называемый «тандем Бакиев – Кулов», согласно которому Кулов снимает свою кандидатуру в пользу Бакиева, а последний, в свою очередь, после избрания президентом, выдвигает кандидатуру первого на пост премьер-министра). Благодаря этому политическому ходу, К. Бакиев почти на безальтернативной основе (поскольку многие кандидаты, одоблив союз двух политиков, сняли свои кандидатуры, а 5 оставшихся кандидатов не смогли оказать достойную конкуренцию) был избран президентом.

Однако К. Бакиев, будучи более авторитарным лидером, чем А. Акаев, очень быстро отошел и от своих предвыборных обещаний, и от недавних соратников, чем вызвал всеобщее недовольство. В ноябре 2006 года К. Бакиев под давлением парламента и многолюдного митинга, проходящего перед зданием парламента, подписал проект конституции, существенно расширяющий права парламента и ограничивающий права президента. Но он сразу же, уже согласно новой конституции, вынуждая премьер-министра Ф. Кулова уйти в отставку, создал конституционный кризис и получил право на роспуск парламента. Жогорку Кенеш (парламент), чтобы избежать роспуска, 30 декабря 2006 года принял новый проект конституции, который опять резко усилил полномочия президента. Этот проект был введен в действие подписью Президента от 15 января 2007 года. В дальнейшем последние две редакции конституции были признаны Конституционным Судом утратившими силу, поскольку при их принятии не были соблюдены законы (т.е. не был проведен референдум), и до принятия новой редакции в силу вступила конституция от 5 мая 1993 года.

В октябре 2007 года был проведен всенародный референдум, на котором была принята новая «бакиевская» конституция, дающая ему почти абсолютные полномочия: «право отправлять правительство в отставку без согласия парламента, распускать парламент в ответ на вотум недоверия правительству, создавать не входящие в правительство и подчиненные лишь президенту органы власти, назначать глав местных администраций и контролировать судебный корпус» [3, 105], и установившая в стране сильную президентскую власть.

По данной Конституции, ЖК имел реальные шансы участвовать в формировании правительства и влиять на его структуру, т.к. избирался на пропорциональной основе по партийным спискам, а премьер-министр назначался из числа депутатов от политической партии, получившей большинство голосов на выборах. Но К. Бакиев в октябре 2007 года за два месяца до выборов в Жогорку Кенеш создал партию власти «Ак жол», выиграл выборы (71 место из 90) и приобрел «ручной парламент».

Также К. Бакиев и его сподвижники ввиду осложнения политической ситуации в стране решили перенести срок президентских выборов с 2010 года на 2009 год, обосновав это тем, что К. Бакиев был избран президентом по редакции конституции 2003 года, в которой было закреплено положение о проведении выборов «в последнее воскресенье октября пятого года полномочий действующего президента» [1, 44 статья, 1 пункт], следовательно, этот срок приходился на 25 октября 2009 года.

На этих выборах К. Бакиев был избран на второй срок, и в этот раз наиболее сильные его соперники отказались от участия в выборах в знак протеста против массовых нарушений, допущенных в ходе избирательной кампании. Подобная относительная безальтернативность выборов и легкая победа на них оказали на К. Бакиева негативное влияние, побуждая сохранить власть любым путем, сделав ее пожизненной либо наследственной. И уже в 2010 году он предложил поправки в конституцию, согласно

которым был бы создан новый орган – президентское совещание, которое должно было определить преемника президента. Но эти поправки не были приняты – 7 апреля 2010 года в стране произошел насильственный захват власти, результатом которого стали побег К. Бакиева из страны.

Итак, и на этом этапе суверенного развития Кыргызстана основной принцип демократического режима – периодическая конституционная смена власти – не был соблюден.

На третьем этапе пришедшие на смену К. Бакиева бывшие оппозиционные деятели создали Временное правительство, во главе которого стала единственная среди лидеров женщина – Роза Отунбаева. 27 июня 2010 года в стране прошел общенародный референдум, на котором решались два вопроса: принятие новой конституции, значительно урезавшей полномочия президента, и избрание Р. Отунбаевой Президентом переходного периода до конца 2011 года без права участия на последующих выборах.

Новая редакция Конституции КР от 27 июня 2010 года в значительной степени урезала президентские полномочия и усилила полномочия Жогорку Кенеша, т.е. произошло перемещение центра политической власти от института президентства к парламенту.

После принятия Конституции в республике прошли парламентские выборы, по мнению исследователей, «самые свободные и честные в киргизской постсоветской истории» [3, 166], по итогам которых наибольшее число голосов набрала оппозиционная партия «Ата-журт». Эти выборы от прежних, в первую очередь, отличало отсутствие использования административных ресурсов.

В октябре 2011 года за два месяца до окончания срока президентства Р. Отунбаевой были проведены выборы президента страны, на которых приняли участие всего 16 кандидатов. На этих выборах победил А. Атамбаев с 62,52% голосов от общего числа избирателей. Ближайшие его соперники набрали 14,78% и 14,32%. В целом, эти выборы были в достаточной степени демократическими, проходя в условиях реальной конкуренции и свободы волеизъявления народа, и тем самым впервые в истории независимого Кыргызстана была осуществлена мирная конституционная передача власти на президентских выборах от одних рук в другие.

Но итоги следующих парламентских выборов 2015 года, в которых на первом месте по числу голосов была пропрезидентская Социал-демократическая партия Кыргызстана (СДПК), и последующее усиление этой партии с заниманием всех ключевых должностей стали вызывать озабоченность общественности страны. На данный момент иницируется очередное введение изменений в конституцию, направленных на частичное усиление полномочий премьер-министра, что, с одной стороны, может иметь позитивное значение, освобождая исполнительную ветвь власти от самовластия парламента и от его конъюнктурных настроений, но, с другой стороны, усиление позиций премьер-министра с сохранением действующих полномочий президента и парламента при ведущей роли определенной партии может привести к фактическому установлению однопартийной системы.

Очередные президентские выборы должны пройти в 2017 году, которые должны сыграть важную роль в процессе формирования дальнейшего курса республики, либо по пути демократизации, либо отката в сторону авторитаризма. Но пока, даже по одному критерию демократии – конституционной смене власти – нет возможности считать Кыргызскую Республику демократическим государством.

Литература:

1. Конституция Кыргызской Республики, изложенная в Законе Кыргызской Республики «О новой редакции Конституции Кыргызской Республики» от 18 февраля 2003 года № 40, принятая референдумом 2 февраля 2003 года – Б., 2003. –107 с.
2. Конституция Кыргызской Республики, принятая на двенадцатой сессии

Верховного Совета Республики Кыргызстан двенадцатого созыва 5 мая 1993 года. Б.: 1993. – 44 с.

3. Фурман Д., Шерматова С. Киргизские циклы: как рушатся режимы [Текст]. – М.: Территория будущего, 2013. – 456 с.

14. Патримониализм и особенности складывания патримониалистических отношений в Кыргызстане. // Научно-методический журнал «Наука, техника и образование», 2016. № 10(28). Москва, 2016.

Аннотация: в статье рассматривается сущность понятий «патримониализм» и «неопатримониализм». Выявляются особенности патримониализма на постсоветском пространстве, в частности, в государствах Центральной Азии, а также особенности сложения патримониалистических отношений в Кыргызской Республике.

Ключевые слова: патримониализм, неопатримониализм, клановость, регионализм в Кыргызстане.

Термин «патримониализм» (от лат. *patrimonium* – наследственное, родовое имущество) был введен М. Вебером в книге «Хозяйство и общество» и обозначал один из типов традиционного господства, который характеризуется наличием у правителя «чисто личного управленческого (и военного) штаба», состоявшего как из людей, близко связанных с господином, т.е. членов рода, слуг и других зависимых патримониальных подданных, так и из людей внешнего окружения, доверяющих господину в силу личных отношений либо отношений верховенства и подчинения [1]. По М. Веберу, наивысшей формой установления власти господина является султанизм.

Как Вебер, так и другие исследователи считают, что патримониализм присущ досовременным империям, которые представляют собой, как утверждает Р. Теобальд, «разъединенные экономики со значительными не монетаризированными секторами, неразвитыми системами коммуникаций, низким уровнем грамотности и общим недостатком ресурсов, включая квалифицированную рабочую силу», а также недостаточным развитием официальной системы налогообложения [3, с.175]. Но, вместе с тем, исследователи признают, что патримониалистская форма социальной организации обнаруживается и в современную эпоху, как в индустриальных обществах в виде «остаточного клиентелизма», так и в «модернизированных патримониальных» режимах, «в которых клиентелизм также сосуществует с отношениями рационально-легального типа» [3, с.169]. В этом случае речь идет уже о неопатримониализме.

Концепция неопатримониализма была разработана в трудах Ш. Эйзенштадта («Традиционный патримониализм и современный неопатримониализм», 1973; «Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций», 1978; и др.), в которых автор рассматривает неопатримониализм как комплекс патрон-клиентарных взаимоотношений между центром и периферией, подчеркивая: «Наиболее существенные особенности неопатримониальных обществ имели основанием структуру центров и отношения между центром и периферией» [6, с.327].

Исторически патримониалистская форма социально-политической организации присуща многим государствам, среди которых особое место занимают страны Латинской Америки. Для народов этого региона издавна характерны такие социально-политические черты, как «живучесть патриархально-патерналистских, каудильистских (исп. *caudillo* – «каудильо» – вождь, предводитель) традиций, клановости», «превалирование вертикальных социальных связей между «хозяином», «патроном», «вождем» и подчиненной ему массой, или клиентелой (лат. *clientis* – подопечный), над горизонтальными классовыми и социальными связями, сплочение той или иной группы вокруг сильной, влиятельной личности», а также «коллективистские, общинные традиции солидарности, совместной деятельности и взаимопомощи, неприятие ценностей и устоев

западного общества, основанного на принципах индивидуализма и предпринимательства» [2, с.12-13].

Большинство из этих черт сохранились в регионе до сих пор, например, такие явления, как nepoтизм, клановость, преимущественное развитие патрон-клиентарных отношений и т.д., можно увидеть даже в самых демократических государствах региона. Так, одними из частых проявлений политической практики в регионе являются nepoтизм, династический переход власти от отца к сыну, от брата к брату либо выдвижение на пост президента заранее подготовленных преемников, чтобы сохранить политическое влияние партии, клана или группы (к примеру, проявлением nepoтизма можно считать занятие поста руководителя президентской администрации Родриго Ариасом при президентстве его брата Оскара Ариаса в 2006-2010 гг. в Коста-Рике).

Как было выше отмечено, элементы патримониализма можно обнаружить в виде «остаточного клиентелизма» и в развитых государствах. Так, например, в Соединенных Штатах Америки клиентелизм хорошо прижился в избирательных процессах, когда в ходе праймериз (предварительных выборов) специально подобранные люди голосуют не за политические программы достойных кандидатов, а за тех, «за спиной которых стоит самый мощный политический аппарат» [5, с.190], что приводит к росту nepoтизма (кумовства), особо выраженного в высших кругах государственной власти (отец и сыновья Буш, муж и жена Клинтон).

Российские ученые, изучая постсоветские реалии, также находят в них наличие элементов патримониализма (неопатримониализма). В частности, А.А. Фисун выделяет три основные черты неопатримониальных обществ постсоветского пространства [4, с.16-17]:

1. слияние власти и олигархического капитала, что приводит к формированию нового социального слоя – «рентоориентированных (rent-seeking) политических предпринимателей», т.е. людей, вкладывающих свои финансовые и иные ресурсы в политику, с целью получения политических дивидендов;
2. использование правящими группами административных и силовых ресурсов государства в личных целях для борьбы с оппозицией;
3. ведущая роль патрон-клиентарных отношений в политике государства, т.е. не только сохранение, но и дальнейшее развитие значения этнических, клановых, региональных и семейно-родственных связей в вертикали власти.

А. Фисун также особое внимание обращает на то, что «Ведущее место в системе неопатримониальной власти занимают представители неопатримониальной бюрократии», при этом последняя формируется на основе традиционалистских (этнических, клановых, местнических, родственных) связей и может быть институционализирована в виде «партии власти» [4, с.19].

Если в государствах европейской части постсоветского пространства неопатримониализм складывается в ходе формирования патрон-клиентарных отношений на основе местничества и партийных интересов, то в государствах Центральной Азии неопатримониальная бюрократия основывается преимущественно на клановых и родственных связях. Роль кланов в государствах Центральной Азии велика, и на соблюдении клановых интересов зиждется в принципе вся система государственной власти в этих государствах. Именно межклановая борьба стала первопричиной гражданской войны в Таджикистане, именно межклановое, отсюда межрегиональное, противостояние привело к двум насильственным сменам власти в Кыргызстане, именно клановая структура государственной власти является фундаментом масштабной коррупции в большинстве из центрально-азиатских государств.

В Кыргызстане исторически укоренилось разделение, прежде всего, между северным и южным региональными сообществами. Данное разделение имело основой не только географический фактор (два региона разделяют труднопроходимые горные хребты, через которые проходит только одно транспортное сообщение), но и культурно-цивилизационный фактор (оседлый юг и кочевой север). В советское и постсоветское время

возникло и устоялось дробление кыргызского общества на различные регионально-клановые группировки, происхождение которых связано с конкретными областями страны, соответственно, чуйские, таласские, ошские и т.д.

Сам по себе факт наличия таких явлений, как регионализм, землячество, клановость, опасен для национальной безопасности, поскольку они основаны на глубоком взаимном соперничестве различных родоплеменных и территориальных образований. Поэтому обычно властные структуры центрально-азиатских государств, в том числе Кыргызстана, прилагают определенные усилия к тому, чтобы путем маневров между различными кланами и группировками добиться компромисса и избежать серьезных межклановых столкновений. В Кыргызстане для обеспечения регионального баланса в эшелоне высшей государственной власти государственные должности распределяются с учетом региональных интересов, так, А. Акаев, будучи представителем севера, назначал на пост премьер-министра представителей юга. Но региональным лидерам подобного стратегического баланса по системе «вторые должности» было недостаточно, результатом чего стали дважды реализованные (в 2005 и 2010 годах) захват государственной власти и смена высшего должностного лица по региональному признаку.

На сегодня основы формирования патрон-клиентарных отношений в Кыргызстане не ограничиваются одними лишь клановыми и региональными связями, они дополняются и другими, например, необходимостью проведения партийных интересов, или необходимостью обеспечения статусной, финансовой и др. взаимозависимостей сторон, складывающихся между ними вне их региональной и клановой принадлежности. Развитие этих отношений в республике сегодня привело к тому, что патримониальные сети охватили почти все сферы общественной жизни, особенно затрагивая систему государственно-административной вертикали власти, в которой замена одного должностного лица тянет за собой замену всех должностных лиц подчиненных структур, вплоть до заместителей и личных помощников. При такой системе на первый план выходят не профессиональные качества претендентов на должности, а их патримониальные черты, т.е. преданность к патрону, солидарность с его позицией, беспрекословное послушание и исполнительность и др. Естественно, что подобная теневая кадровая политика приводит к снижению эффективности государственного управления, т.е. к его дилетантизации, к превращению государственной должности в инструмент личного обогащения и к потере значительных материальных и финансовых ресурсов государства, которые идут на обеспечение патрон-клиентарных отношений различного генеза.

Литература:

1. Вебер М. Типы господства (из книги «Хозяйство и общество») [Электронный ресурс]. // Библиотека Гумер. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/veber/tip_gosp.php (дата обращения: 20.10.2016.).
2. Строганов А.И. Латинская Америка в XX веке: Пособие для вузов [Текст]. М.: Дрофа, 2002. 416 с.
3. Теобальд Р. Патримониализм. // ПРОГНОЗИС № 2(10) 2007. С. 166-176.
4. Фисун А.А. Постсоветские неопатримониальные режимы: генезис, особенности, типология. // Отечественные записки. Том 39, № 6 (2007). С. 8-28.
5. Хелмке Г., Левитски С. Неформальные институты и сравнительная политика. Основные направления исследований. // ПРОГНОЗИС, 2(10), 2007. С. 188-211.
6. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций [Текст]. / Пер. с англ. А.В. Гордона под ред. Б.С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. 416 с.

15. Политические учения Востока о происхождении государства и формах правления (на основе трудов Ж. Баласагына и М. Кашгари). // Журнал

Сложность и многовековая продолжительность становления государства породили многочисленность попыток теоретического объяснения сути этого феномена. И, действительно, многообразие различных теоретических построений о сущности государства таково, что одних лишь классификаций подходов насчитывается великое множество. Например, в самом общем виде различные теоретические конструкции о природе государства можно объединить в следующие группы: мифически-сверхъестественные теории; патриархальные теории; органические теории; теории о божественной сущности государства; объективистские теории; теория общественного договора; теория разделения властей; позитивистские теории; теории о насильственной сущности государства; теории о плюралистической сущности государства и т.д.

В основе своей эти теоретические конструкции были заложены на Западе, но и мыслители Востока имели свои, отчасти заимствованные из Запада, отчасти собственные точки зрения на происхождение государства. Учения Востока по большей части были разработаны арабоязычными мыслителями, но имеется, хоть и небольшое, но тюркоязычное наследие восточной письменности. К таким произведениям, несомненно, относятся «Кутадгу билиг» Жусупа Баласагына и «Диван Лугат ат-Турк» Махмуда Кашгари.

Эти произведения появились на свет в XI веке, в эпоху так называемого «Мусульманского Ренессанса», названного так за выдающиеся достижения исламского мира во всех научных направлениях, который охватил большое пространство от Средиземного моря до Индии, включая и Центральную Азию. При этом в Центральной Азии основой исламского Возрождения стало Караханидское государство (942-1212 гг.).

Жусуп Баласагын (Юсуф Хас-Хаджиб Баласагуни, 1015/1016 либо 1018 – 1075) родился и жил в Караханидском каганате, и написал свою бессмертную поэму «Кутадгу билиг» («Благодатное знание») в возрасте 50 лет, за это был удостоен от кагана звания «Хасс-Хаджиб».

Поэму «Кутадгу билиг» специалисты относят к жанру этико-дидактических произведений, имеющих назидательно-воспитательное содержание, в которых рассматриваются вопросы о вечных ценностях – добре, справедливости, уме и знаниях. Но в то же самое время «Кутадгу билиг» значительно отличается от большинства произведений этико-моралистической направленности (например, от «Домостроя» Ксенофонта) тем, что в ней существенным образом затрагиваются понятия общегосударственного масштаба: об идеальном правителе, о подборе чиновников, о справедливости в обществе и т.д. В этом плане поэма Баласагына больше схожа с «Государством» Платона: и в том, и в другом случае разрабатываются теоретические основы «идеального государства». В «Кутадгу билиге» ролью идеального правителя наделен главный герой элик Кюнтогду, который символизирует справедливость.

Сама справедливость и правды вершитель –

Элик Кюнтогды, справедливый властитель [1,11].

В целом, можно считать, что поэма Ж. Баласагына «Кутадгу билиг» не столько литературное произведение этико-воспитательного направления, сколько политико-правовое учение, стоящее в одном ряду со знаменитыми политическими учениями древности и средневековья, получившими освещение в таких трудах, как «Государство» и «Законы» (Платон), «Политика» и «Афинская полития» (Аристотель), «Трактат о взглядах жителей добродетельного города» (Аль-Фараби) и т.д.

«Кутадгу билиг» в таком понимании это теоретическая концепция «идеального государства», в которой, наравне с этико-философскими воззрениями, освещаются чисто политические вопросы, например, вопросы мудрого и справедливого правления, вопросы личностных качеств, необходимых для управления и служения, вопросы взаимодействия

управленцев с народом и т.д.

Ж. Баласагын в своем сочинении вопросу о государстве, его происхождении и истории, о сущностных его характеристиках не уделяет должного внимания, поскольку у него государство чрезвычайно тесно связано с его правителем. Эти понятия у него взаимозаменяют друг друга, для мыслителя бек (правитель, властелин) и есть само государство (Две силы должны государство беречь – Червонное золото, поднятый меч ... Двум силам вот этим – и править державой, Кто ими владеет, тот – муж величавый [1,240]). Что касается происхождения государства и власти, то, хотя в отношении всего мироздания он придерживается мысли, что все в мире имеет божественное происхождение (Создать пожелав всего сущего суть, Он все сотворил, повелев ему: «Будь!» [1,30]), в отношении правителя (хакана – кагана) он выдвигает идею о некоей мифически-сверхъестественной основе его властвования:

Державу и трон даровал ему рок,
Да шлет ему счастье в правлении бог! [1,37])

или:

И слышу вселенной я гневное слово:
«Ужель ты не зришь лик хакана благого?
Восстань от дремоты, – когда ж ты прозришь?
Не слышишь? Внемли, мое слово услышь!
Я тысячи лет была сирой и вдовой,
Но вдовый наряд я сменила на новый.
Прикрасилась я, ведь хакан – мой владыка,
Пасть жертвой пред ним мое рвенье велико!» [1,36-37].

В отношении приемлемых и справедливых форм государства политические воззрения Жусупа Баласагына содержат идею установления наследственной монархии:

«Был беком отец – будет беком и сын,
Сын бекского рода и сам – властелин....
И беков не зря ведь зовут словом «знать»:
Положено бекам все ведать и знать!» [1,167-168],

но в то же самое время, по мнению Баласагына, правитель не единолично должен управлять государством, так как:

«Помощников много – властитель силен,
В порядке правленье, незыблем закон.
Помощники в каждом деянье важны,

А в деле правленья – подавно нужны» [1,61], т.е., по сути, мыслитель ратует не за единоличное правление, а за коллегиальное правление, что очень созвучно с современным мышлением о формах правления.

Баласагын, как и многие западные и восточные мыслители (Платон, Аль-Фараби и др.), выступает за мудрое, справедливое и законное правление,

«Когда неразумный правленье берет,
Страдает страна, терпит муки народ.
А если властитель умен и учен,
Страна благоденствует — знай наперед!» [1,155],

в то же самое время отстаивая с позиции гуманизма те морально-нравственные ценности, которые издревле присущи тюркским народам – доброту, гостеприимство (Жалеющий гостя – челом просветлен, Приветящий гостя – молвой вознесен), приверженность к семье и родным, любовь к детям, почитание старших (От старших и малым дается почет: Кто старшим послужит, тот счастье найдет) и т.д.

Еще один тюркоязычный ученый Махмуд Кашгари (Махмуд ибн ал-Хусейн ибн Мухаммад ал-Кашгари – 1028 или 1029 – 1101 или 1126) является автором лингвистического труда «Диван Лугат ат-Турк». Это произведение являет собой первый в истории тюрков энциклопедический словарь, включивший в себя обширный

лингвистический, этнографический, географический и исторический материал.

Ввиду того, что «Диван Лугат ат-Турк», по своей сути, является глоссарием различных понятий и терминов тюркоязычной этимологии, по его содержанию почти невозможно узнать о политическом мировоззрении его автора. Единственным материалом, на котором можно построить анализ личных политических предпочтений М. Кашгари, является авторское предисловие к «Дивану» и, отчасти, можно опираться на приводимые в качестве пояснений к трактуемым словам двустишия и четверостишия, которые с большой натяжкой можно расценить как отражение собственной позиции автора на то или иное явление.

В частности, проявлением авторской позиции Кашгари на идею о происхождении государства можно посчитать его мнение о государстве тюрков в Предисловии книги: «Когда я увидел, что Аллах Всевышний вознес светило Судьбы к созвездиям тюрков, небесам указал вращаться вокруг их царства, назвал их ат-турк и наделил могуществом, сделал Правителями Века и вложил им в руки бразды Избранного народа, возвысил над [остальными] людьми и направил к истине, усилил тех, кто был к ним близок и проявлял преданность, – получив от них желанное и избежав позора рабской толпы, – [я понял, что] каждому разумному следует стремиться к их вершинам и остерегаться падения их стрел» [2,53]. На основе этого отрывка можно прийти к мнению, что Кашгари являлся приверженцем идеи о божественной сущности государства, и считал, что государство создается по провидению Аллаха Всевышнего.

В отношении форм правления, методов и способов властвования, структуры власти в труде Махмуда Кашгари можно найти такие строки:

«улуг лу куг булса сан азку килйи
булгйл кишйк баклар катин йадшй улан»

(«Если станешь уважаемым и влиятельным, твори добро.

Стань добрым пополнением в числе правителей, радеющих за народ») [2,99];

или такое четверостишие, как:

тавар кимиик уклиса
баклик ацар каркайур
тавар сизин калиб бак
арансизии амкайур

(«Тот, у кого много имущества, лучше всех подходит для управления. Если правитель останется с пустыми руками, ему будет трудно собрать людей» [2,345]). Эти изречения показывают отношение тюркских народов к власти и властимущим, заключающееся не только в незыблемость веры в добро и необходимость соблюдения высоких морально-нравственных ценностей даже в верховной власти, но и в непреходящее значение богатства и проистекающего из него высокого социального статуса для продвижения во власть.

Таким образом, в эпоху расцвета мусульманской культуры и науки тюркоязычные ученые, так же, как и арабоязычные, внесли свой, бесценный для их потомков, вклад в развитие общественных наук, в том числе и в науку управлять и властвовать.

Литература:

1. Баласагунский Юсуф. Благодатное знание. // Пер. С.Н. Иванова. / Отв. ред. академик А.Н. Кононов. – М.: Издательство «Наука», 1983. 560 с.
2. Махмуд ал-Кашгари. Диван лугат ат-Турк // Перевод и предисловие и комментарии З.-А. М. Ауэзовой. Индексы составлены Р. Эрмерсом. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.

16. Африканский мир: особенности демократизации. // Научный журнал «Новый университет». Серия: «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук», 2016, № 9-10 (66-67). – Йошкар-Ола, 2016.

Аннотация: в статье дается характеристика африканскому миру как отдельному цивилизационно-геополитическому блоку государств с описанием его культурно-цивилизационных и политико-режимных особенностей. Подчеркивается, что на данный момент процесс демократизации в регионе находится на начальном этапе развития и для полной демократизации стран континента требуется длительное время.

Ключевые слова: Африка, африканский мир, африканская цивилизация, демократия, демократизация, автократия.

Abstract: The article describes the African world as a separate civilizational and geopolitical block of countries with the description of its culture and civilization and political-regimen characteristics. It is emphasized that at the moment the process of democratization in the region is at an early stage of development, and the complete democratization of the continent countries requires a long time.

Keywords: Africa, African world, African civilization, democracy, democratization, autocracy.

Африканский мир, по сути, очень редко выделяется как отдельная цивилизация, в силу тех причин, что африканский континент издревле служил объектом колонизации со стороны как европейских государств, так и арабов. В течение второй половины XIX-первой половины XX вв. почти вся территория Африки находилась под покровительством европейских стран, и только в период после Второй мировой войны государства Африки смогли получить независимость.

Естественно, время колонизации для африканских государств не прошло без следа: произошла смена традиционных религиозных верований (культы предков, тотемизма, анимизма и др.) на христианство и ислам, народы Африки приобщились к достижениям научно-технического прогресса и вступили на путь модернизации. В силу этого, Африка в рамках геополитической структуры мира обычно не выделяется как отдельная цивилизация, а рассматривается как часть либо христианского – англо-, франко- и португалоязычного – мира, либо исламского мира (северная часть континента).

Но с позиции рассмотрения особенностей государственного устройства африканский мир, на наш взгляд, необходимо выделить в отдельный цивилизационный, точнее, цивилизационно-геополитический блок (с возможным выделением собственно африканского блока государств и включением части государств в состав исламского блока), поскольку для африканской цивилизации за редким исключением присущи политические режимы собственного генеза, которых отличают такие черты, как общинность, трайбализм, провинциально-подданническая модель политической культуры, склонность к авторитаризму, высокая степень персонификации власти, культ вождя, особая роль военных во власти и т.д.

В первую очередь, в культурно-цивилизационном плане государства Африки отличает такая особенность, как преимущественное развитие племенного самосознания и племенной идентичности, т.е. в них явно заметны трайбалистские тенденции. Это связано с тем, что формирование государств в регионе происходило по большей части искусственным путем во время колонизации континента европейцами. Ввиду этого, многие государства Африки полиэтничны, а некоторые этносы разделены по разным государствам. О высокой степени полиэтничности африканских государств свидетельствует и их полиязычие, так, например, в Зимбабве всего в качестве официальных языков приняты 16 языков, в Южно-Африканской Республике официальными языками служат 11 языков (кроме них, еще 6 языков признаны в качестве национальных), в Гане, кроме официального английского языка, еще 9 языков имеют статус «поддержки правительства», в Нигерии при одном официальном, английском, языке всего существует более 500 языков и т.д.

Колонизация Африки привела не только к искусственному переделу территории

региона, но и к искусственному насаждению чужой культуры и чужих языков. Как замечает французский геополитик Ив Лакост, во многих африканских государствах искусственно насаждаемые и ставшие официальными языки колонизаторов так и не прижились: «Хотя этот язык и преподается в школах, в действительности им пользуется небольшая часть населения, чиновники и круги, соприкасающиеся с туристами. Все они, за исключением выполнения служебных функций, чаще всего говорят на одном из многочисленных родных языков» [1].

И, во-вторых, государства Африки отличает более авторитарный стиль правления, о чем свидетельствуют, помимо прочего, и рейтинги стран по уровню демократии. На сегодня из всех 50 с лишним государств Африки (включая и мусульманскую Северную Африку) только 1-2 государства считаются полными (консолидированными) демократиями и 10-15 государств – дефектными демократиями. При этом самое демократическое государство континента – Маврикий – обязан своим статусом тому факту, что имеет наиболее долгую историю европейского господства, т.е., по сути, Маврикий как государство и территория, заселенная людьми, был создан европейцами еще в XVI веке. Тем самым в Маврикий с самого начала установились европейские политические ценности и традиции, чем и объясняется его высокий демократический статус.

Автократические государства континента многообразны и характеризуются такими чертами, как династическая передача власти при формальном соблюдении демократических процедур (Демократическая Республика Конго, Того, Габон), отсутствие демократической передачи власти от одного лидера к другому (Ангола – бессменный лидер в течение 40 лет, Зимбабве – в течение 36 лет, Камерун – в течение 34 лет, Чад – в течение 26 лет, Бурунди – третий срок подряд в нарушение Конституции), установление однопартийной системы (Ботсвана), наличие единолично управляемой монархической власти (Свазиленд, Марокко), установление диктатуры одного лица при полном отсутствии демократических процедур (Эритрея) и т.д. Еще одной особенностью африканских режимов является то, что в них за конституционально оформленной демократической республикой часто скрываются военные режимы.

Вместе с тем, предпринимаемый западными государствами «экспорт демократии» в африканский континент приводит к определенным результатам, так, после событий «арабской весны» 2011 года наиболее высоких успехов на пути к демократизации достиг Тунис, в котором была принята новая демократическая конституция, были проведены парламентские и президентские выборы с соблюдением всех демократических принципов и т.д. Также были предприняты некоторые действия в сторону демократизации в Марокко, в котором изменения в конституцию ограничились полномочия монарха в пользу премьер-министра и парламента, и в Алжире, который в 2016 году отголоском «арабской весны» ограничил президентство двумя сроками.

Но, в целом, «арабская весна» не привела к тотальной демократизации региона, так, в Египте в постреволюционный период установился диктаторский режим М. Мурси, в наиболее демократически ориентированном и светском Тунисе парламентское большинство в 2011-2014 гг. принадлежало исламистской партии «Ан-Нахда», в Марокко также отмечается усиление позиции исламистов, поскольку на парламентских выборах 2011 и 2016 гг. наибольшее число голосов получила исламистская Партия справедливости и развития.

В других регионах континента, в которых уровень демократизации был несколько выше, чем на севере, также отмечается некоторого рода откат от демократических традиций. Так, в Южно-Африканской Республике правящая партия «Африканский национальный конгресс» (АНК), пришедшая к власти после режима «апартеида», привела страну к авторитарному и коррумпированному правлению, что стало причиной недовольства народа и существенному снижению рейтинга партии. И даже в демократическом Маврикий проявилась тенденция к частичной дедемократизации в том, что одни из ведущих политических партий страны – Лейбористская партия и Маврикийское

боевое движение – выступают за изменение конституции, чтобы расширить полномочия президента, который на данный момент имеет только представительские функции.

В целом можно отметить, что демократизация региона на данный момент находится только на начальном этапе развития ввиду того, что установление демократии – это весьма длительный процесс, в течение которого автохтонные политические ценности, традиции и нормы общества постепенно заменяются западными, демократическими, и народ в своем политическом сознании созревает для модернизации его политической самоорганизации.

В этой связи следует согласиться с мнением экспертов, что на данном этапе для стран Африки больше подходит такая модель политического режима, как «просвещенный абсолютизм», который может быть установлен двумя путями: путем либо «снятия ограничения на число сроков переизбрания», либо путем введения «института преемников» по двум сценариям – «передаче власти собственным детям» или «династии духа», т.е. передаче власти близким по духу людям [2]. Преимуществом такого политического режима как раз и будет являться, помимо решения неотложных экономических задач, постепенное внедрение демократических процедур, институтов, традиций и ценностей и замена ими традиционных.

Литература:

[1] Лакост Ив. Постколониальный вопрос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/0704-LACOSTE-RU.pdf> (дата обращения: 27.10.2016.)

[2] Асташин Н. К африканским странам необходимо применять другую шкалу ценностей [Электронный ресурс]. // Сайт МГИМО. URL: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document125472.phtml> (дата обращения: 27.10.2016.)

17. Государственный патернализм и его состояние на постсоветском пространстве. // Научный журнал «Новый университет». Серия: «Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук», 2016, № 9-10 (66-67). – Йошкар-Ола, 2016.

Аннотация: в статье исследуются особенности патернализма в условиях традиционного уклада восточного общества. Дается характеристика государственному патернализму на постсоветском пространстве. Утверждается, что постсоветские государства ограничивают свою социально-патерналистскую функцию.

Ключевые слова: патернализм, государственный патернализм, патерналистское государство, постсоветское пространство, социально-патерналистская функция государства.

Annotation: The article investigates characteristics of paternalism in the conditions of traditional way of Eastern society. It characterizes state paternalism in the post-Soviet space. It is alleged that the post-Soviet states limit their social and paternalistic function.

Keywords: paternalism, state paternalism, paternalistic state, the post-Soviet space, the social- paternalistic function of the state.

Все восточные общества патерналистичны, поскольку традиционализм, господствующий в этих обществах, предопределяет наличие в них таких культурных и нравственных императивов, как коллективизм, приоритетность интересов любого вида коллектива – семьи, общины, рода, племени – перед интересами индивида, а также непререкаемый авторитет старших перед младшими, почитание власти и традиция беспрекословного повиновения начальству. Эти патерналистские принципы традиционного общества переходят и в основу государства, созданного на его базе.

Об этом писал еще Конфуций, величайший древнекитайский мыслитель, который

уподоблял государство гигантской семье: царь («сын неба») правит государством как отец семьей. Ему беспрекословно подчиняется все население государства, как члены семьи – отцу, при этом каждый из них знает свое место, поскольку, по Конфуцию, «Государь должен быть государем, сановник – сановником, отец – отцом, сын – сыном» [1, 188].

Подчинение и послушание правителю, по Конфуцию, это одна из основных добродетелей в государстве, ведь «почтительность к родителям и уважительность к старшим братьям – это основа человеколюбия». В ответ и правители должны подобающим образом относиться к своим подданным: Конфуций был уверен, что для процветания государства необходимо, чтобы в государстве было «достаточно продовольствия, достаточно оружия и есть доверие народа», но, когда его спросили, чем должен пожертвовать правитель, если в этом есть крайняя необходимость, он ответил: «Можно отказаться от оружия. Отказался бы от продовольствия. Смерти никому из людей не избежать, но если народ перестанет доверять, то [государству] не устоять» [1, 383]. Таково было понимание патерналистского общества великим Конфуцием.

Вообще, под патернализмом понимается система отношений между двумя иерархически расположенными в социальной системе общества субъектами, один из которых, выполняя роль отца, всячески покровительствует второму; тот, в свою очередь, в роли ребенка (подопечного) в ответ на попечительство со стороны первого субъекта выказывает ему послушание и возлагает на него всю ответственность за свое существование. Патерналистская культура исходит из исторической и культурно-цивилизационной предрасположенности народов к традиционному укладу социально-политической жизни, к их пониманию мира как чего-то мистического, иррационального, непознаваемого, отсюда требующего безоговорочного признания, к их коллективистскому мышлению, что ставит интересы коллектива во главу угла, и т.д., т.е. ко всему тому, что присуще народам Востока априори, в силу их сущностной природы и многовекового развития под влиянием патриархальных традиций и религиозных установок.

И даже сегодня, в постиндустриальную эпоху, традиционные ценности в восточных обществах продолжают сохраняться, и в них ценности западных стран, заявленные как общечеловеческие, усваиваются с трудом, испытывая сопротивление со стороны населения стран.

Поэтому на Востоке патерналистская, «отеческая», забота государства о народе и обществе априори воспринимается как само собой разумеющееся, а правитель предстает в качестве последней инстанции в любых вопросах, проблемах и спорах, т.е., по сути, происходит персонификация власти в лице одного человека – правителя.

Государственный патернализм как система взаимоотношений власти с народом был присущ и Советскому Союзу, после развала которого постсоветские государства стали отходить от политики тотального вспомоществования населению, а население стало выживать как может. С одной стороны, такая государственная политика обоснована, поскольку либерализация экономики, на которую взяли курс все государства постсоветского пространства после их суверенизации, изначально ориентировалась на ограничение государственного вмешательства в экономические процессы, на поощрение частной инициативы и развитие индивидуализма, но, с другой стороны, как замечает С. Кара-Мурза, «Строго говоря, без государственного патернализма не может существовать никакое общество. Государство и возникло как система, обязанная наделять всех подданных или граждан некоторыми благами на уравнительной основе. Государственный патернализм – это и есть основание социального государства...» [2, 43].

Но, вместе с тем, на постсоветском пространстве государственный патернализм исходит на нет по ряду причин, одной из которых являются экономические проблемы. Так, в Конституции Кыргызской Республики социально-патерналистская функция государства ставится в зависимость от его экономических возможностей и провозглашается довольно осторожно: «Пенсии, социальная помощь в соответствии с экономическими возможностями государства (выделено мной – К.С.) обеспечивают уровень жизни не ниже

установленного законом прожиточного минимума» [3, статья 53, пункт 2]. Также Конституция КР подчеркивает, что «Социальная деятельность государства не должна принимать форму государственного попечительства, ограничивающего экономическую свободу, активность и возможности гражданина самому достигать экономического благополучия для себя и своей семьи» [3, статья 53, пункт 4], т.е., по сути, государство ограничивает политику социального патернализма, возложив на население всю ответственность за его материальное благосостояние.

Сократив таким образом финансовые расходы на социальные нужды населения, государство при перераспределении национального дохода основные потоки государственной финансовой поддержки направляет на поддержание экономики страны, тем самым частично осуществляя свою патерналистскую миссию.

Но не следует забывать и о том, что патерналистское государство выполняет не только социальную функцию, оно взамен социального обеспечения своих граждан берет на себя контролирующую и регламентирующую функции, требуя от граждан полного подчинения и следования установившимся в государстве политическим нормам и традициям. Еще одной особенностью патерналистского государства является иерархичность структуры ее органов с преобладанием патрон-клиентских отношений.

Примечателен тот факт, что большинство постсоветских государств, приуменьшив свою социально-патерналистскую функцию, продолжают сохранять контрольно-регламентирующие функции, осуществляя свою деятельность через отношения господства и подчинения. В этих условиях государство получает возможность единолично устанавливать тот объем правил, норм и требований, в том числе по правам и свободам человека, который позволяет ему в той или иной мере контролировать население, использовать методы, которые обеспечивают ему соблюдение всех принимаемых им же нормативно-правовых актов, разработать и ввести новые идеологические ориентиры, выраженные в национальной, этнической и религиозной идентичности, в идеях национального суверенитета, возрождения нации, державности, регионального лидерства и т.д., что может привести к идеализации власти, отождествлению ее с государством и нацией, и резкому росту националистических и патриотических настроений в обществе.

Но, вместе с тем, в случаях, когда государство недостаточно эффективно осуществляет свои патерналистские функции, наступает, по мнению ученых, период «разочарованного патернализма», «связанный с тем, что люди ждут от государства «отеческой заботы», однако реально они уже не могут ничего от него требовать» [4, с. 99]. Такая ситуация характерна для многих постсоветских государств и чревата ростом недовольства населения, когда недавнее упование на власть как на высшие силы сменяется тем, что население начинает обвинять во всех проблемах и бедах действующую власть. По сути, этим фактором и объясняется подъем революционных настроений в обществе, что в ряде случаев приводит к насильственной смене власти либо вынуждает власть осуществить конституционные реформы. Но смена внешнего, в сущности, «декоративного» обрамления государства, как конституционная структура власти, не может решить всех социальных проблем общества, поэтому одним из основных направлений деятельности государства была и остается социальная политика, на осуществление которой должно направить все свои силы любое патерналистское государство. При этом значимость роли государственного патернализма в жизни общества не должна подвергаться сомнениям, поскольку это часть культуры и цивилизационная особенность народов Востока, в том числе и на постсоветском пространстве.

Литература:

[1] Переломов Л.С. Конфуций: «Лунь юй». / Исслед., пер. с кит., коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. – 588 с.

[2] Аномия в России: причины и проявления. / Кара-Мурза С. Доклады Центра

проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. Вып. 4. – М.: Научный эксперт, 2013. – 56 с.

[3] Конституция Кыргызской Республики. Введена в действие Законом КР от 27 июня 2010 года. // «Эркин Тоо», № 60, 6 июля 2010 года.

[4] Лубский А.В., Лубский Р.А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России. // Журнал «Гуманитарий юга России», №3, 2013. – Ростов-на-Дону, 2013. – С. 90-103.

18. Размышления о критериях дифференциации демократий и недемократий в свете разделения мира на Восток и Запад. // Общенациональный научно-политический журнал «Власть», № 1, 2017. Москва, 2017.

Аннотация: В данной статье исследуются особенности демократических и недемократических политических режимов. Утверждается, что политические режимы Востока и Запада значительно отличаются друг от друга. Автор приходит к выводу, что на характер политического режима государств Востока существенное влияние оказывает специфика традиционной политической культуры.

Ключевые слова: Политический режим, демократия, автократия, Восток, Запад, политический лидер, политическая культура, права и свободы человека, гражданское общество.

Abstract. The article examines characteristics of democratic and undemocratic political regimes. It is argued that the regimes of the East and the West differ very much from each other, so the author concludes that the nature of the political regime of the Eastern states is significantly affected by the specificity of traditional political culture.

Keywords: political regime, democracy, autocracy. East. West, political leader, political culture, human rights and freedoms, civil society.

Всю совокупность политических режимов можно разделить на два основных вида: демократии и недемократии (при этом для обозначения недемократических режимов целесообразнее использовать термин «автократия», который имеет употребление в западной аналитике). На основе сбора и систематизации всех известных характерных признаков демократии и недемократических режимов можно составить сводный перечень критериев, по которым можно дифференцировать формы политического режима. В первую очередь, это касается сути демократии и недемократии (автократии), т.е. утверждений, что «демократия – это власть народа» и «автократия – это единоличное правление». Помимо этого, отличительными особенностями демократии и автократии, по общепринятому мнению, являются такие признаки, как способ смены власти, степень реализации принципа разделения властей, степень соблюдения прав и свобод человека, степень развитости гражданского общества, политического плюрализма, свободы слова и т.д.

Но здесь следует заметить, что данный перечень системных признаков основан на самых общих представлениях о демократии и автократии, но при этом совсем не учитываются культурно-цивилизационные различия обществ, стоящих в основе этих режимов, в частности, это касается различий Востока и Запада. Как известно, восточные общества (соответственно, и государства) более традиционны, чем западные, и им присущи совершенно другие ценности и нормы, что кардинально меняет как стиль государственного управления в них, так и характер установленных в них политических режимов.

Так, например, в государствах Востока характер государственной власти напрямую зависит от личности политического лидера, поскольку политические традиции Востока основаны на таких элементах, как непререкаемый авторитет старших, почитание власти и беспрекословное повиновение начальству, которые однозначно ведут к росту престижа и влияния правящих структур (правителей) в обществе; следовательно, в этих условиях

лидеры государства получают колоссальную возможность влиять на все происходящие политические процессы, что и предопределяет характер государственной власти и политического режима в стране. Этим, по существу, и объясняется более автократический характер политических режимов Востока, но это отнюдь не означает, что все без исключения восточные режимы необходимо причислять к автократиям, для этого нужны более веские основания, нежели исторически и культурно-цивилизационно обусловленная властная поведенческая позиция политических лидеров незападных государств.

Таким образом, мы можем поставить под сомнение саму суть автократии как таковой, т.е. автократии как единовластия, автократии как режима, при котором власть осуществляется единолично. Несмотря на распространенность и даже в некотором роде аксиоматичность данного утверждения, оно по своей сути ошибочно, поскольку, как показывает действительность, ни один правитель не правит страной в одиночку: у любого даже самого тиранического монарха есть помощники (советники, визири), которые, являясь связующим звеном между монархом и его подданными, зачастую имеют большее влияние, чем сам монарх. Поэтому при различении автократии от демократии руководствоваться этим общеизвестным признаком будет в какой-то мере сложно, тем более, как было выше обозначено, в государствах Востока (вне зависимости от формы политического режима, будь это демократия или автократия) роль правителя в жизни общества будет неизмеримо выше, чем в государствах Запада; следовательно, нужно находить другие, более показательные критерии, по которым можно дифференцировать политические режимы.

Здесь еще нужно учесть и тот факт, что параллельное утверждение о демократии также ошибочно в своей основе, т.к. данное утверждение («демократия – это власть народа») относится к ценностным обоснованиям демократии, которые явно идеализируют ее, выдавая в качестве «универсальной и наилучшей формы политического устройства для всех стран и народов» [3;175], вследствие чего их можно подвергнуть основательному сомнению. Данный случай в этом отношении очень показательный, потому что при современной демократии народ может лишь влиять на власть, но никак не управлять сам, поэтому это выражение представляет собой чистую демагогию, так же, как и утверждение, встречающееся почти во всех конституциях: «Источником власти является народ».

Возвращаясь к анализируемой теме – теме различий политических режимов Востока и Запада, помимо повышенной роли политического лидера в восточных обществах, нужно вспомнить и такие элементы восточной культуры, в том числе, и политической, как коллективизм (т.е. приоритет интересов коллектива над интересами личности), непреходящее значение семейных традиционных ценностей, стремление к поддержанию традиционного образа жизни в единении с природой и др., которые также влияют на особенности политических режимов Востока.

В первую очередь, они влияют на ситуацию с гражданскими и политическими правами и свободами человека, которая, как известно, отличается между собой в зависимости от формы политического режима, т.е. демократию характеризует более высокий уровень реализации прав и свобод человека, как гражданских (право на уважение чести и достоинства человека; право на свободу и личную неприкосновенность; неприкосновенность частной жизни и т.д.), так и политических (право на свободу слова, право на свободное волеизъявление, выраженное в политическом участии в свободных выборах, свободе собраний и ассоциаций, свободе самовыражения и т.д.), а автократия в той или иной степени их ограничивает.

Но все дело в том, что понимание свободы вообще, и прав и свобод человека в частности, может быть разным в зависимости от того, в какой части света оно происходит. Так, права и свободы человека на Западе трактуются с индивидуалистической точки зрения, ознаменовывая собой господство, верховенство личных интересов и целей над коллективными, тогда как на Востоке даже в самых демократических государствах преобладающий там коллективизм, т.е. господство коллективных интересов над личными, отодвигает на второй план значение прав и свобод отдельного индивида. Это явно видно из

Конституции Японии (одного из самых последовательных демократических государств мира), содержащей целую главу, посвященную правам и обязанностям народа, 12 статья которой гласит: «Свобода и права, гарантируемые народу настоящей Конституцией, должны поддерживаться постоянными усилиями народа. Народ должен воздерживаться от каких бы то ни было злоупотреблений этими свободами и правами и несет постоянную ответственность за использование их в интересах общественного благосостояния» [2]. Как по этому случаю замечает Э. Хейвуд: «Они [восточноазиатские режимы] всегда организованы в большей степени вокруг экономических, нежели политических целей; их главная задача – содействовать экономическому росту и благосостоянию, а не расширять тот круг индивидуальных прав и свобод, который мы видим на Западе» [5;45].

Таким образом, отношение к данной категории – права и свободы человека – будет существенно различаться в зависимости от того, в каком государстве оно наличествует – западном государстве или восточном. В качестве наглядного примера вспомним самый резонансный на сегодня вопрос о правах секс-меньшинств, в частности, принятие Российской Федерацией в 2013 году так называемого «антигейского закона», запрещающего пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних, вызвавшее ажиотаж в определенных международных кругах, которые обвинили Россию в недопустимой дискриминации представителей ЛГБТ-сообщества. Однако этим политическим актом Россия заявила о себе не как об авторитарном государстве, ограничивающем права и свободы отдельных своих граждан, а как о защитнице семейных традиционных ценностей и коллективных прав и свобод, противопоставляя себя Западу с его индивидуализмом и атомизацией; как по этому поводу заметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, между Россией и странами Запада существуют «фундаментальные, культурологические противоречия», и их разделяют «немного разные философии жизни», вследствие чего «понять друг друга довольно сложно...» [1].

В связи с этим, данный признак – степень реализации в государстве прав и свобод человека – не может служить точным показателем демократичности или авторитарности существующего политического режима, потому что на Востоке, даже на самом демократическом, индивидуальные права и свободы будут всегда приноситься в жертву во имя коллективных прав и свобод, тем более не стоит забывать такую истину, что «свобода одного человека заканчивается там, где начинается свобода другого человека».

Об относительной малозначимости данного признака свидетельствует и тот факт, что для большинства людей на первом плане стоят не какие-то призрачные права и свободы, а материальное благополучие, т.е. лучше жить в богатой авторитарной стране, чем в бедной демократической. Относительно политических прав человека также можно заметить, что их реальное воплощение в жизнь даже в развитых странах западного мира не всегда означает их обязательное соблюдение, в частности, это касается политического участия, уровень которого в этих странах весьма низок.

Таким образом, мы приходим к выводу, что права и свободы человека не являются определяющим фактором в компаративном анализе форм современного государства, но данный факт не отрицает и даже не минимизирует роль и значение прав и свобод человека в жизни общества и государства; скорее всего, он, признавая необходимость соблюдения прав и свобод человека и их защиты со стороны государства, всего лишь не придает им той степени важности и значимости, каковой наделяет их западная индивидуалистическая точка зрения. Права и свободы человека в этом случае соблюдаются в государстве не как отдельная режимобразующая категория, а как второстепенная, например, гражданские права и свободы человека соблюдаются в рамках системы методов государственного властвования (понятно, что в тиранических государствах они соблюдаются в значительно меньшей степени, чем при других режимах), политические – в рамках таких элементов политического режима, как способ смены власти, наличие политического плюрализма и т.д.

Кроме прав и свобод человека, еще одна особенность – степень развития

гражданского общества – может быть подвергнута сомнению при ее рассмотрении с коллективистской точки зрения. Гражданское общество, понимаемое как «общество с развитыми экономическими, политическими, правовыми и культурными отношениями между людьми, независимое от государства, но взаимодействующее с ним», понятие декларативного характера, поскольку построение гражданского общества – это «фактически бесконечный процесс совершенствования общества, власти, политики и человека» [4;102].

Одной из причин декларативности данного понятия, на наш взгляд, является то, что гражданское общество – понятие сугубо западного производства, берущее начало с характерного для западного общества индивидуалистического мировоззрения, провозглашающего интересы индивида, личности более ценными, чем интересы общества, а интересы общества более высокой ценностью, чем интересы государства. Это совсем не характерно для восточного традиционного общества, в котором преобладают патриархально-подданнические настроения, не допускающие сомнений в авторитете государства, тем более одним из краеугольных камней гражданского общества считается гражданская активность, которая присуща восточному обществу в значительно меньшей степени, чем западному. Следовательно, в восточных государствах с традиционным общественным укладом гражданское общество будет развито намного уже, чем в государствах западного мира, и причислять их только по этой причине к автократии будет, мягко выражаясь, неправильно и тенденциозно.

Другой причиной мы видим тот факт, что на сегодня гражданское общество как «совокупность негосударственных частных объединений граждан, преследующих индивидуальные и групповые интересы» теряет свое значение. Ныне институты гражданского общества все более включаются в политику, проводя в жизнь интересы своих «хозяев», т.е. покровителей, которые обеспечивают их в финансовом и материальном плане. Одними из таких институтов являются многочисленные неправительственные организации (НПО), которые, располагаясь в одной стране и получая финансовое обеспечение из других стран, служат эффективным инструментом для воздействия на национальную политику извне, осуществляя свою деятельность в направлении, противоречащем национальным интересам страны, что зачастую приводит к делигитимизации властных институтов (примеры: Арабская весна, Цветные революции на постсоветском пространстве). В силу этого, современные НПО, функционирующие в незападных государствах, как «лицо» гражданского общества все более дискредитируют его, сводя на нет всю позитивную суть и режимообразующее значение гражданского общества.

Таким образом, выясняется, что степень развитости гражданского общества, так же, как и степень реализации прав и свобод человека, не может в однозначном порядке служить критерием для типологизации форм политического режима.

В целом, если рассматривать все классификационное поле форм политического режима с данной позиции, то можно прийти к выводу, что сомнению можно подвергнуть если не всю современную систему критериев дифференциации политических режимов, то, по крайней мере, большую ее часть, в связи с чем приходит понимание острой необходимости создания новой классификационной системы форм политического режима (подобной, например, классификации Э. Хейвуда [5; 36-49]), которая бы исходила из культурно-цивилизационной специфики государств, и которая бы признавала, что каждая нация имеет полное право жить при таком режиме, каковой в данный момент наиболее соответствует ее исконным традициям и ценностям.

Использованная литература:

1. Интервью В.В. Путина телеканалу Russia Today от 11 июня 2013 года [электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/18319> (дата обращения 07.07.2015).

2. Конституция Японии. // Конституции государств (стран) мира. Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [электронный ресурс]. Режим доступа – URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=37> (дата обращения 07.07.2015).
3. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений [Текст]. – М.: Аспект Пресс, 1995. – 352 стр.
4. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия [Текст]. // Под ред. М.Ю. Тихомирова. М., 1997. – 526 стр.
5. Хейвуд, Эндрю. Политология: Учебник для студентов вузов [Текст]. // Пер. с англ. под редакцией Г.Г. Водолазова, В.Ю. Бельского. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 544 стр.